

A purple-tinted image featuring a Buddha statue in the foreground on the right, with a mountain range in the background. The Buddha statue has its eyes closed and a serene expression. The background shows a range of mountains under a sky with some clouds and light rays. The overall mood is spiritual and mystical.

Алекс

МИСТИКА
СТРАНСТВ

Алекс Гор

**Мистика странствий. Юго-
восточные путешествия.
Записи о сверхвозможностях
человеческого сознания. Часть I**

«Издательские решения»

Гор А.

Мистика странствий. Юго-восточные путешествия. Записи о сверхвозможностях человеческого сознания. Часть I / А. Гор — «Издательские решения»,

Христианские, буддистские, индуистские, даосские, суфийские и другие знания о сверхспособностях человека тесно переплетены. «Ладакх. Опыты тантры, полученные в горах Малого Тибета» — документальный роман. В нем автор на фоне различных приключений в горах знакомит читателя с реальными восточными духовными практиками. Слово «тантра» включает в себе широкое смысловое значение. Корень «тан» означает распространять, корень «тра» — спасать.

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мистика странствий Юго-восточные путешествия. Записи о сверхвозможностях человеческого сознания. Часть I Алекс Гор

© Алекс Гор, 2016

© Н. Дмитриева, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Христианские, буддистские, индуистские, даосские, суфийские и другие знания о сверхспособностях человека тесно переплетены. «Ладакх. Опыты тантры, полученные в горах Малого Тибета» – документальный роман. В нем автор на фоне различных приключений в горах знакомит читателя с реальными восточными духовными практиками. Слово тантра включает в себе широкое смысловое значение. Корень «тан» означает распространять, корень «тра» – спасать. Распространяя великие знания, Тантра тем самым спасает человека, затерянного в непостижимом океане бытия.

В эти очерки под общим названием «Мои мистические путешествия» автор продолжает рассказ о личном мистическом опыте и тех чудесах, которые происходили с ним в путешествиях по странам Юго-Восточной Азии.

Дорогие читатели! Приглашаем вас вместе с автором пережить удивительные приключения и прикоснуться к тайнам духовных традиций древнего Востока!

От автора

«ЛАДАКХ. ОПЫТЫ ТАНТРЫ» – это почти документальное изложение тех необычных событий, участником которых я стал во время поездки в высокогорный район Северной Индии Ладакх. Там я встретился с девушкой, и она стала моей партнершей по тантре. Вместе путешествуя по монастырям и к местам силы, ища учителей, духовно обогащаясь и проходя различные практики, мы постигали азы тех знаний и возможностей, которые будут легко доступны в будущем человеку новой формации, но у человечества к этому еще долгий путь. Главное – развить в себе понимание о единстве Сознания, о Высшей все объединяющей любви, об иллюзорности мира, и тогда человечество не постигнет участь жителей Атлантиды, которые имели сверхвозможности, однако использовали их в корыстных целях...

Во второй части собраны более ранние очерки и заметки о моих путешествиях в отдаленные уголки Юго-Восточной Азии.

Посвящаю М

ЛАДАКХ. ОПЫТЫ ТАНТРЫ

«Есть люди самовлюбленные, есть люди ослепленные и есть люди бременем согбенные. Те, кого зовут самовлюбленными, заучивают слова только своего учителя и могут повторять их так гладко, так красиво, что они сами в себя влюбляются и думают, что познали все на свете. Им и невдомек, что в мире еще ничего не начало существовать...»

Чжуан Чжоу (Цзы) «Высший учитель».

Пролог

В те годы я только-только начал прикасаться к Истине, к той Истине, которая пишется с большой буквы. До этого я, творческий человек, впрочем, как и все остальные люди, был склонен к частому изменению настроения. Работа над очередной книгой у меня нередко заканчивалась депрессией. И тогда я пытался черпать радость в вине, компаниях и прочих внешних проявлениях, но от этого еще больше разочаровывался в жизни. Я пытался много заработать, думая, что материальное благополучие даст мне спокойствие – писал заказные неинтересные мне статьи, но деньги быстро заканчивались. И был замкнутый круг, от которого, казалось, не уйти никогда. Я пытался обратиться за корректировкой психики к психологам, но видел, что они нередко сами несчастны, и только скрывают свое благополучие за надетой на себя личиной. Но ко времени описываемых событий я уже девятнадцать лет самостоятельно занимался хатха-йогой, и мне уже было кое-что известно о возможностях сознания человека. Однако для того, чтобы добиться сверхвозможностей, чтобы стать полностью счастливым и непоколебимым самому и научить этому других людей, мне нужны были учителя, и учителя высшего порядка. Еще не один год я посвятил поиску их в странах Юго-Восточной Азии, и не только там, с истинными Мастерами доводилось встречаться и в Москве. Но учителя, учителями, а без постоянной работы над собой у человека не откроются новые видения того, кто он, откуда и куда идет через бесконечности жизней. Я ждал того щелчка, после которого наступило бы полное понимание сути вещей, Великое спокойствие, гармония с окружающим миром и людьми мегаполиса, в котором обычному человеку так трудно жить...

Глава 1

В августе 2011 г мы с великим эзотериком Ольгой Т. (собственно она и привила мне любовь к Индии когда-то) путешествовали по природным и святым местам северо-индийского штата Джамма и Кашмир. Где мы там только не были! Ездили в мусульманскую мечеть – там сбываются сокровенные желания женщин; ходили маршрутами в горы по следам легенд; плавали на лодке по водным улицам Шринагара; купались в исцеляющих источниках; видели могилу пророка Иссы; жили в буддийских, индуистских и мусульманских семьях, погружаясь в аутентичный быт. И еще много чего мы видели...

Затем мы сели на самолет и прилетели в Лех. Этот город, расположенный на обширном плато, на высоте 3500 м над уровнем моря – столица штата Ладакх и центр Малого Тибета. Сюда приезжают туристы со всего мира, чтобы увидеть уникальную природу, почувствовать места силы, посетить древние монастыри, в которых веками проводили свои практики буддийские монахи.

В Лехе проворная Ольга нашла для себя жилье моментально. Она подселась в комнату к двум русским девушкам, которые приехали на практики к Мастеру. Я же с поиском жилья не торопился – до ночи еще был целый день.

До сатсанга Мастера оставалось не более двадцати минут. Я прошелся по одной из главных улиц города, оглядывая окрестности и сторонясь пыли, которую понимали снующие мотобайкеры и водители джипов. Яркое утреннее солнце и близкие горы манили на поиски приключений. Возможно, где-то не так далеко находилась невидимая Шамбала, о которой так много писали Рерихи...

Войдя в зал Центра медитации, я взял из стопки в углу йогический коврик, нашел свободное место среди сидящих на полу, сам сел в позе лотоса и огляделся. В Лех к Мастеру люди прилетели из разных городов России, а также из-за рубежа. Все пока оживленно переговаривались. На подиуме, на покрытом золоченым покрывалом низеньком столике возвышался убранный цветами портрет Ошо – одного из учителей Мастера, который сейчас, склонив свое худощавое гибкое тело, облаченное в зеленую одежду санньясина, привычно зажигал ароматические палочки. Возле стола находилось широкое кресло нашего гуру. На него уже кто-то положил пышный букет белых цветов. В зале было много незнакомых лиц, но кое-кого из преданных Мастеру учеников я знал еще по московским встречам.

Ольга вошла тихо и сразу стала пробираться поближе к Мастеру, потом она уселась в позу для медитации, расправляя плечи, двигая ими, чтобы осанка была правильная (она вообще все любит делать правильно и особенно по аюрведе*). Я поймал себя на мысли, что наблюдаю за ней, неосознанно оцениваю, а значит, еще недалеко ушел по пути постижения высшей Истины. Надо было войти в состояние молчания ума.

Мастер учением об адвайте* уже успел открыть своим ученикам многое. Поэтому, и на этот раз, мы с Ольгой снова вернулись к нему, специально спланировав маршрут наших путешествий. Люди всегда возвращаются к тому, кто первый открыл им глаза на мир... Однако, занимаясь исследованием своего сознания, я в тот период делал упор на даосские практики. Мне нравилось, что Даосизм – это не религия, привязывающая тебя к определенной культуре и стереотипам, а по большому счету – это философия жизни, позволяющая избавиться от страхов и вообще каких бы то ни было привязанностей. Проникнувшийся Дао*, может полноценно выполнять свои гражданские, семейные и общественные обязанности. Даосизм пришел из Китая. Самые известные его патриархи – Лао Дзы и Конфуций.

От Мастера исходила осязаемая сила, и она помогла настроиться на его волну. Я постарался прислушаться к тишине внутри себя, но вдруг встретился глазами с Алексан-

дрой – худенькой девушкой с двумя короткими косичками, жизнерадостной и всегда задающей неординарные вопросы. В Москве она обычно приходила на сатсанги со своей маленькой дочерью. Взгляды наши разошлись, но ее серые с поволокой глаза запечатлевшись в моем воображении, мешая сосредоточиться.

Мастер не любил опаздывающих, а на часах уже было три минуты девятого, когда вошел Сергей и, поискав глазами Александру, уселся возле нее. Вчера я их видел в маленьком уютном ресторане на центральной улице, где мы с Ольгой обедали. Ольга сказала, что Сергей довольно успешный психолог из Питера, Александра – психолог из Москвы. У меня, видимо, был какой-то подсознательный интерес к психологам, что-то я в них всегда хотел распознать. Почему они столь самоуверенны? Сейчас, бросив взгляд на Сергея, я заметил в нем тщетно скрываемую суетливость; сразу понял, что он увлечен Александрой. Сатсанг прошел, как всегда, на высоком уровне. Сначала было сидение в тишине (Дзадзен*), затем слушатели задавали Мастеру интересующие их вопросы – всем хотелось прозреть, открыть в себе Божественное, стать просветленными. Но я хорошо запомнил слова Мастера, который говорил, что не каждый способен прийти к просветлению. В завершении вечера мы получили от нашего гуру очередную практику, на этот раз связанную с исчезновением тела.

После занятий многие подходили к Мастеру, обнимались с ним. Некоторые, видимо, ждали, что Просветление каким-то чудом войдет и в них, просто, без особого труда... Но разве так бывает?

– Ты нашел жилье? – спросила Ольга, подойдя ко мне.

– Не успел, зайду к вам за своим рюкзаком позже.

– Заходи.

Я пошел главной улицей в сторону северной окраины Леха, туда, где на вырубленных в скалах площадках приютилось несколько новых гостиниц – мне хотелось поселиться подальше от людей. Однако, к моему удивлению, в этих отелях номера оказались очень дорогие.

Ниже располагался старый район с его плоскокрышими домами – они выглядели из-за зелени пирамидальных тополей и кустарника. Спустившись туда и побродив по узким переулкам, также не смог найти подходящего номера – все было занято туристами. Однако Малый Тибет – это буддийский регион, и я надеялся, что буддийский эгрегор* приведет меня куда надо, ведь после чудесного взаимодействия с ним в Гималаях я реально, особенно в путешествиях, чувствовал его опеку.

Усталый, я снова поднялся к улице новых отелей, прошел еще выше, и вдруг весь Лех с его бесчисленными низкорослыми зданиями оказался передо мной как на ладони. Сердце замерло от красоты множества снежных вершин, открывшихся в отдалении. И все заботы куда-то ушли, я на какое-то время словно растворился в этом пространстве... Потом снова стал блуждать взглядом по городу и неожиданно увидел в переулке, метров на триста ниже обзорной точки, трехэтажное белое здание, похожее на гостиницу. Ее окна возвышались над огородом с четкими грядками каких-то культур и темною изгородью кустарника. Судя по всему, из тех окон должен был быть прекрасный вид на горы. Что-то мне подсказало, что нужно идти туда.

Калитка была приоткрыта. Пройдя тропой мимо грядок лука, петрушки и салата, я вошел в маленький дворик. На стуле возле входа в гостиницу сидел паренек-тибетец и так здорово наигрывал на гитаре мелодию «Yesterday» группы «Биттлз», что я невольно воскликнул про себя: «Ай да молодец, иностранец!» Увидев меня, юноша приветливо улыбнулся.

– Свободные номера есть? – спросил я по-английски.

– Есть, – ответил тибетец на том же языке, не переставая играть и улыбаться.

– Номера? Свободные? – переспросил я, не веря своим ушам.

– Есть, есть, один одноместный и один двухместный.

– Какова цена?

– 120 и 250 рупий.

Я прикинул, что курс рупии колеблется на уровне 1,5—1,6 рупий за рубль и разделил названную сумму на 1,5. Оказалось 80 руплей за одноместный номер.

– Покажите.

Оглядев оба номера, я взял тот, что оценивался в 250 рупий за сутки.

Как только тибетец ушел, я плюхнулся на стоявшую посередине комнаты широченную двуспальную кровать и закрыл глаза, расслабляя тело после долгих хождений по городу. Было очень уютно просто лежать. И вдруг передо мной с особой четкостью предстал тот погодный ужас, свидетелями которого мы с Ольгой стали неделю назад. Приспичило же ей тогда купаться! Мы ведь к тому моменту уже опаздывали в Шринагар, где нас приютила зажиточная мусульманская семья. Хозяева поставили нам одно условие – возвращаться домой до вечерней молитвы. Вот и поплатились.

А дело было так. Водитель—частник, его мы случайно встретили на рынке в Шринагаре, впечатлил Ольгу рассказом о каком-то необычном источнике, искупавшись в котором, люди заметно молодеют. Туземец предложил отвезти нас туда, а за доставку и экскурсию он, естественно, хотел денег. Мне это с самого начала показалось авантюрой, потому что тот доморощенный гид по-английски, а тем более, по-русски, практически не говорил. И притом что-то неприятное было в глазах этого толстого бомбилы, оценивающее беспокойство, что ли... Поездка затянулась на целый день, а деньги он с нас взял вперед, сказав, что ему нужно заправиться.

Но, надо сказать, водитель действительно привез нас к какой-то ничем не примечательной большой луже в долине между гор. Озеро называлось так сложно, что названия не удалось запомнить, хотя Ольга почти всю дорогу расспрашивала о нем. Посередине водоем был разделен перегородкой, а мужская и женская раздевалки на берегу, как ширмой, были огорожены угловыми стенками. Справа от озера над обрывом и по крутому лесистому склону стоял ряд одноэтажных фанерных построек. Даже храма поблизости не было. Что тут могло исцелять и молодить! Однако людей у озера было много и нужно было выстоять очередь. Ни одного белого иностранца здесь мы не увидели, а паломники, в основном мусульмане, на английском или не могли общаться или по каким-то причинам отказывались это делать.

Водитель пообещал нас ждать на автомобильной площадке возле хижин. Может быть, он нас и ждал, но тут начался дождь. А полил он тогда, когда мы еще стояли в очереди. Ольга – на женской половине озера, а я на мужской. Я пошел к ней. Она сказала, что дождь – это ерунда и дала мне свой запасной зонтик. Запасливость ее меня, порой раздражала, но только не тут.

Буквально сразу же дождь усилился, одна за другой ударили молнии, и оглушительно загрохотало, а затем внезапно так ливануло, что толпы видно не стало, только силуэты какие-то мелькают. Все забегали, стали выскакивать из озера, хватать не только свою одежду, но, возможно, и то, что под руки попало. Я увидел, что спуск к воде освободился, и еще под этим потоком успел наскоро окунуться – вдруг помолодею! Надо было по местному поверью окунуться в воду три раза, а я успел только два – ведь в такой ситуации нужно быть предельно быстрым и собранным. Да и то уже опоздал к вещам! Выскочил на берег, протиснулся через мокрые тела к своему рюкзаку, а его то и нет! А в рюкзаке – вся моя верхняя одежда! И кошелек с небольшим количеством денег (основную часть я оставил у хозяев дома). Хорошо хоть джинсы остались висеть на крючке! Я их тут же надел. Кроссовок тоже не нашел, возможно смыло хлынувшим под стену потоком.

Когда выбежал на каменную площадку перед озером, увидел мечущуюся Ольгу. Она была в одном отдельном купальнике темно-синего цвета. Тут же бегали и другие жен-

щины, смуглая нагота которых плохо скрывалась промокшими купальными тканями. Однако белизна рыхловатого тела моей подруги выделялась особенно.

– Где твои шмотки?! – закричал я, стараясь перекрыть грохот грозы, шум ливня и бегущих потоков воды.

– А твои? – в ее голосе я не услышал испуга, но заметил нотки иронии.

– Говорил тебе, что не надо было здесь купаться!

– Я не нашла своих вещей.

– Я тоже.

Мы снова начали искать вокруг, думая, не прибило ли где хотя бы что-то потоком воды. Паводок на глазах увеличивался, а мы все бродили по колено в воде, надеясь на что-то... Наконец, я выловил сбоку в канаве чьи-то грязные шаровары, но Ольга отказалась их надевать, все еще рассчитывая на чудо. И чудо случилось: вдруг к ней подбежала женщина, сунула в руки большой цветастый платок и тут же исчезла. Из платка Ольга моментально соорудила юбку, а потом показала на рыжую глину обрыва под хижинами:

– Может сель сойти, надо сматываться!

К этому времени мощь ливня поубавилась, но он был еще довольно сильный. Вода стремительно бежала по долине широким потоком. Нам удалось его преодолеть и взобраться на тропу, идущую параллельно реке, под которой оказалась дорога. Когда одна тропа заканчивалась или уходила в сторону, мы искали другую. Так мы и шли по травянистому склону босые, и кругом было много маленьких белых цветов. Они, своими крошечными мокрыми головками непрерывно бились о наши ноги.

– Неужели водитель смотался? – удивлялась посиневшая от холода Ольга; ее серые волосы слиплись, и от этого она казалась совсем некрасивой.

– Как видишь, – отвечал я.

– Придется идти пешком до нижней дороги, а там делать автостоп.

– Ага, а в качестве оплаты, ты станцуешь танец живота. Вид у тебя как раз подходящий!

– А чего и станцую!

– Ладно, я и сам станцевал бы, хоть голышом, лишь бы нас подобрали.

Ольга вздохнула:

– Придется новые рюкзаки покупать.

– А представляешь, что бы было, если бы мы в Шринагаре совсем остались без денег?

– Ничего бы особенного не произошло, – ответила она мудро. Если бы мы даже остались совсем нагишом, значит, это нам для чего-то надо было. А Поток, в котором я нахожусь, нас все равно бы вывел.

Я понимал, о каком Потоке она говорит. Это у нее часто звучало. У эзотериков считается находиться в Потоке – значит быть в единстве с теми энергиями и силами, которые постоянно изменяют наш проявленный мир. Находиться в Потоке – значит быть защищенным, несмотря ни на что.

Потом она добавила:

– Да и у меня там, в кошелке, кое-что лежало, впрочем, все это мелочи, главное теперь до дома добраться...

Когда мы спустились довольно далеко вниз, долина заметно расширилась. Поток воды теперь бежал по глубокой канаве сбоку растрескавшейся асфальтовой дороги. Вдруг мы увидели нашего водителя.

– Куда вы исчезли!? – бросилась к нему Ольга.

– Water! – ответил тот потерянно и что-то дальше пролепетал по-индийски, но снова повторил: – Water!

– Где машина?

– Плиз, плиз!» – закивал толстяк, часто и испуганно моргая вытаращенными глазами. Какими-то робкими жестами он позвал нас за собой. Автомобиль, левое крыло и багажник которого оказались сильно помятыми, стоял сбоку дороги за деревьями в углублении горы. Толстяк засуетился, открывая двери и помогая Ольге сесть на переднее сиденье. Потом он взял с заднего сиденья болоньевую куртку и протянул Ольге:

– Плиз!

Та, не вставая, надела ее.

В общем, для нас тогда все закончилось удачно. Правда, мы приехали домой уже после вечерней молитвы, несколько нарушив ночной покой хозяев, поскольку в тихом огромном доме был слышен каждый шорох.

Я, кажется, задремал, находясь в поле благодати своего нового жилища... Открыв глаза, снова огляделся. Увидел, что нахожусь в гестхаусе, и номер очень просторный, а главное – из него великолепнейший вид на южные и западные горы. И вон там виднеется несколько снежных вершин. В принципе снятая комната представляла собой просторную застекленную веранду с покрытым суриком дощатым полом. Кроме кровати, здесь стояло еще только два стула. Но надо ли мне было чего-нибудь больше? Ведь здесь можно жить и дышать горами, не отрывая голову от подушки! Я мечтал побыть с Тибетом наедине, и мне представилась такая возможность!

Кроме встреч с Мастером, у меня были планы самостоятельно позаниматься практиками, потому что в горах ощущаешь особую энергетику. Сходяв освежиться в душевую, которая располагалась в конце длинного коридора, я сел на кровати и стал созерцать горы, пытаюсь проникнуть в их вековую суть глубинами своего сердца. И неожиданно удалось уйти еще дальше, ощутить себя частью этого пространства.

У меня уже было такое. С недавних пор я временами стал как бы входить в единство всего, чувствовать энергии, связывающие меня и пространство. Это далось через умение долго держать Паузу в процессе Цигун-практик*, во время которых я убирал ум, отождествляя себя с бесконечностью Вселенной. Иногда возникало реальное взаимодействие с пространством Космоса. Я шел к этому через Понимание, которое, как фрагменты, складывалось из того, чему меня учили в разных школах, и из того, до чего я доходил сам. Мастер говорил, что узнать свою глубинную сущность, Истину, возможно только через понимание, что этому научить невозможно, ибо не с чем сравнивать. Истина есть везде, всегда и во всем, но ее нельзя пощупать, потому что только она одна не имеет причинно следственных связей. Она Великая пустота, которую умом не охватить, просто в какой-то момент по милости свыше ты начинаешь понимать, говоря даосским языком, как происходят вещи. Об этом же говорил и Лао Цзы в своей книге Дао Дэ Цзин: «Земля – больше человека, Космос – больше Земли, Дао – больше Космоса». Но человек, познавший Дао, стало быть, больше всего... Или: «Человек зависит от Земли, Земля – от Космоса, Космос – от Дао, но Дао ни от чего не зависит». Соответственно, человек познавший Дао, ни от чего не зависит... Для него все события жизни проходят перед глазами, как кино на экране. Ведь мы видим, что кинопроектор показывает нам реальные события, но не пытаемся же это потрогать...

Понимание, которому учил нас Мастер в соответствии с учениями адвайты, и работа с пространством приводит и к пониманию даосского пути, к пониманию того, что есть Дао. Не важно, что Мастер учит через Дза Дзен практики. Дао и Дзен – одно и то же. Кроме того, Мастер привил мне основы цигун, а цигун и даосские практики – родные братья.

Выйдя из Паузы, я снова услышал под окном гитару. На этот раз молодой тибетец виртуозно наигрывал какой-то испанский мотив.

Я спустился вниз.

– Хорошо играешь, – сказал я. – Трогает до слез!

Снова улыбка и мне протягивается гитара:

– Сыграй!

– Я? А откуда ты знаешь, что я умею?

Ответа не последовало, только не сходящее с лица светлое сияние...

– Ну давай вспомню что-нибудь...

Я сыграл два куплета из старинного русского романа. Парень, поджав губы, понимающе кивнул и протянул мне руку для знакомства.

– Таньба. Мое имя Таньба.

Обедать в ресторан, специализирующийся на тибетской кухне, я отправился в прекрасном расположении духа. А с вечерним сатсангом Мастера закончился и первый день пребывания в Лехе.

Утро встретило ярким солнцем, встающим из-за изломанных очертаний хребта. За дверьми что-то трещало, бормотало и пело. Встав с кровати, я выглянул в коридор. Дверь соседнего номера была открыта, а ширма, прикрывающая вход, сдвинута. В глубине комнаты на ковре сидели две старушки в монашеских одеждах. Стол и маленький комод возле них были уставлены всевозможными буддистскими атрибутами. Одна старушка монотонно читала мантры*, другая, держа барабан за рукоять, вращала его ритмичными движениями – и вместе с барабаном по кругу бегала цепочка с грузиком. Шла маленькая буддийская служба прямо у меня под боком. Сомнений не оставалось – меня привел сюда буддийский эгрегор. Понимание, что я нахожусь под его защитой, дало мне необычайную уверенность на весь дальнейший период пребывания в этих местах.

Глава 2

На утренний сатсанг я пришел в превосходном состоянии духа. Большие окна зала были плотно занавешены. От дверей поприветствовал Мастера, как это принято на востоке – сложением рук, окинул взглядом зал, рассматривая спокойные лица. Некоторые уже медитировали.

Мастер велел дежурному закрыть дверь и углубился в медитацию. Я занял свободное место, тоже закрыл глаза, и сразу почувствовал другое состояние. Что-то во мне открылось и как бы очень тонко, словно в самозабвенном танце, завибрировало. Но я сидел неподвижно. Пространство вокруг меня казалось неземным. «Это и есть йога, – промелькнула мысль, – состояние единения с окружающим миром».

Вдруг движение воздуха, коснулось меня. Оглянувшись, я увидел на пороге открывшейся двери хорошо сложенную темноволосую девушку. Она была в белой, красиво обтягивающей грудь футболке и походных брюках. Поднявшись на носочках, девушка тихонько прошла в угол, взяла подушку и села у стены вблизи входа, подобрав под себя ноги. Что-то в ней всколыхнуло мои чувства.

Показалось, что я смотрел на нее бесконечно и неприлично долго, но когда снова принял прежнюю позу, ощутил, что это был лишь миг. Мне вообще всегда нравились спортивные высокие девушки. Я сам когда-то занимался легкой атлетикой, ходил в детско-юношескую спортивную школу и имел возможность созерцать грацию женского тела, неприкрытого лишними одеждами.

В то же время в незнакомке вроде бы ничего не было особенного, но во всем ее существовании явно чувствовалась гармония. Очевидно, так сработало поле единения, образовавшееся в этом зале...

Я снова оглянулся. Увидев мой взгляд, девушка приветливо улыбнулась и закрыла глаза. И эта ее естественность и отпечатанный в матрице сознания ее образ еще какое-то время не давали возможности полностью погрузиться в медитацию. Задача сейчас была контролировать ум, войти в его состояние и успокоить, потому что разделенный он порой создает такое... Не замечаешь, как выстраивается причинно-следственная цепочка образов и явлений, и они всплывают в сознании одно за другим.

Временами я открывал глаза, направляя внимание на Мастера, стараясь уловить его настрой на спокойствие. Потом я услышал тонкий свистящий звук с оттенками нежных вибраций. Он неожиданно возник где-то в глубине меня, помог лучше сконцентрироваться на пустоте и отсеять окружающий мир. Вспомнилось, что кто-то из учителей говорил, что это звук космоса, и он, как камертон, помогает настроиться на единую волну всего сущего, в том числе и в мирах, отличных от нашего. Не раз нечто отдаленно похожее на это звучание я слышал в море, когда занимался фри дайвингом. Примерно так переговариваются дельфины...

Я забыл об окружении, но в то же время, не глядя на часы, мог сказать который сейчас час – регулярные медитации дали возможность точно определять время. Правда, сейчас это было ни к чему. Нужно было еще глубже утвердиться в понимании, что по большому счету нет ни времени, ни пространства, а все определяет наш ум, привязывая это к тому, а то к другому. Тогда возникают пределы, формы, мечты... Вселенский разум создает миры и населяет их существами, потому что у него Божественные возможности, но все есть сон, иллюзия, которую обычному человеку трудно осознать.

Примерно через час мастер открыл глаза.

– Задавайте вопросы, – сказал он.

Все немного оживились, поднялось несколько рук. На каждый вопрос давался обстоятельный ответ. Удивительно, что некоторых интересовали чисто психологические про-

блемы, например, как уладить конфликт в семье или заработать много денег, но ведь Мастер не раз говорил, что с этим и подобным этому нужно обращаться к психологам, а не к нему, ведь он не учит тому, как использовать свое эго в более выгодных условиях. Его задача помочь обрести людям тотальную свободу, растворить свое Я. Если хочешь приблизиться к божественному, раствори свое эго в осознании своей истинной бесконечности. У бога нет эго, он безличностен... Это в даоизме и других учениях является сутью.

Много было вопросов по теме, как йогину правильно питаться, что можно и что нельзя делать. Мастер объяснял:

– Поскольку в окружающем мире все, в том числе и человеческое тело, заключают в себе энергии, а каждая энергетическая субстанция имеет свои определенные вибрации, то питаться лучше легкой сатвической* пищей. Тогда грубые вибрации клеток постепенно меняются на более тонкие. Это сделает тело более чувствительным, более восприимчивым к пространству. Соответственно, у сатвичного человека появляется больше возможностей для очищения пластов своего сознания и в итоге – для достижения реализации. То же касается всего другого – музыку йогину лучше слушать спокойную и не слишком чувственную, а книги для чтения более подойдут духовной направленности.

Незнакомый мне юноша поднял руку и неожиданно вставил:

– А мне один даосский мастер рассказывал, что его учитель курит, причем тому уже лет семьдесят.

– Ну он, наверное, не взятяжку курит, – улыбнулся Мастер, и дав умолкнуть дружному смеху, продолжал. – В принципе, достигший реализации в силу своей непривязанности безопасно может делать то, что не позволительно ученику. Любому здравомыслящему человеку ясно, что курение, чрезмерное увлечение сексом, алкоголь и тому подобное вредно для здоровья. На Мастера же это никак не воздействует. Да он никогда и не будет это делать. А если возникнет какое-то желание или необходимость, ну что ж... Например, недавно я был на Запорожском семинаре, и по его окончанию организаторы пригласили меня на шашлыки с пивом. Они поставили меня перед фактом, когда стол уже был накрыт. Ну и что, я спокойно пил пиво и ел мясо, хотя в обычной жизни я этого никогда не делаю. Грубой пище требуется больше затрат энергии на переваривание, а любой даос скажет, что жизненную энергию нужно максимально экономно расходовать. Даосизм – это вообще отдельная тема, и мы как-нибудь о ней поговорим... Добавлю, что все лишнее пробуждает психические энергии, а они довольно сильно выбивают тело из равновесия, а соответственно и ум.

В свое время Мастер много путешествовал по разным странам, учился у просветленных и знал практики разных учений.

Что-то снова заставило меня взглянуть на спортивную девушку. «Она могла бы быть великолепной партнершей в танцах», – подумал я. И вдруг неожиданно для самого себя я тоже кинул реплику:

– А что получается и танцами заниматься нельзя?

Мастер, словно не слыша меня, продолжал вести свою линию сатвичности. В данный момент он отвечал на тему благодатного мышления.

Я понимал, что вопрос задаю не вовремя, но меня будто кто-то настойчиво подталкивал:

– Так как насчет танцев? Я вот, например, занимаюсь спортивными танцами. Так что, нельзя?...

Мастер, наконец, обратил на меня внимание.

– Можно, Алекс, такому йогину, как ты, все можно, – сказал он, как мне показалось, с иронией.

Внутри от этого ответа появилось еще больше вопросов, и они тянули за собой цепочку образов. Я спросил себя: «Что подумала обо мне прекрасная незнакомка?» Но сразу же

в ответ дал установку: «Ничего не происходит. Все это только твой ум». Вспомнились слова знаменитого индийского йогина Пайлота Бабы*: «Мастеру все равно, что о нем думают». Интересно, почему это так? Надо будет об этом поразмышлять.

После сатсанга я подошел к Мастеру, окруженному плотным кольцом учеников, чтобы разрешить еще один внезапно возникший вопрос, но пока стоял, поджидая когда он освободится, картина в уме как-то сама собой прояснилась. Я развернулся, чтобы уйти и чуть не натолкнулся на приглянувшуюся мне девушку. Оказалось, она стояла позади меня. В это время Мастер окликнул:

– Алекс, ты что хотел?

– Да так, ничего...

И тогда к Мастеру протиснулась она.

– Можно обратиться?

Мастер кивнул.

– Я тут путешествую самостоятельно. Вот решила походить на ваши сатсанги. Думаю, мне это будет полезно. Конечно, я оплачу весь предлагаемый пакет и дополнительную программу.

– Хорошо. С этим подойдите к Зое. Она вас запишет. Завтра с утра мы идем на экскурсию в Императорский дворец.

– Прекрасно. Кстати, вы не могли бы подсказать, где можно снять недорогое жилье, а то я пока устроилась в очень дорогом номере и хочу переехать. Я путешествую уже третий месяц и мне нужно быть экономнее.

– На нашей улице есть ряд приличных гостиниц экономкласса. Вы можете посмотреть их, ребята покажут.

– Знаю, где это, – обрадовался я возможности подключиться к разговору и познакомиться с девушкой.

– Покажете? – она улыбнулась.

– Да.

Мы вышли на главную улицу, а через пятьдесят метров свернули направо, пошли тесным, зажатым заборами, переулком.

– Как вас зовут?

– Юля.

– А откуда вы?

– Вообще я родилась и выросла в Харькове. Но потом закончила университет Лесгафта в Питере, долго жила и работала в Англии.

– Вот как!? Интересно... А Лесгафта – это ведь спортивный?

– Да.

Меня удивило совпадение: внешне и даже немного манерами она напоминала мою первую (и последнюю) жену, с которой мы когда-то давным-давно развелись (да и брак длился всего полгода!) Еще удивило, что им обоим пришлось пожить в Харькове. Жена закончила Харьковскую спортивную академию, но потом переехала в Москву и работала массажисткой у богатеньких.

– Кем вы работали в Англии?

– Личным фитнес-инструктором у разных состоятельных людей.

Чудно устроен мир! Согласно каким-то его внутренним законам. Подчас что-то, что у человека уже когда-то было, притягивается, но на другом уровне, иногда более высоких отношений... Но, как говорится, ничто не происходит случайно...

В это время Юля отвлеклась на телефонный звонок.

– Ну и как жилось в Англии? – спросил я, когда она закончила говорить.

Видно было, что прошлое ей не очень хотелось вспоминать, потому что она перевела разговор на другую тему, стала спрашивать о Мастере.

Когда ее вопросы были удовлетворены, я полюбопытствовал:

– А как вы сюда попали?

– Прилетела на самолете.

– Одна?

– Да. Я решила на неопределенный срок освободиться от любой работы и отправилась в долгое путешествие. Недели две пробуду в Лехе, потом собираюсь посетить Драмсалу, Тадж Махал, Варанаси, многое хочется посмотреть... Думаю, пожить в Индии до осени следующего года.

– Правда!? Не каждый может себе это позволить...

– Как выясняется, многое возможно, если очень захотеть... А вы, Алекс, с группой?

– Да. То есть здесь с группой, а так все прилетели сюда, на сатсанги, самостоятельно.

В четырехэтажной гостинице Мастера (перед красивым зданием размещались нарядные цветочные газоны) свободных номеров не оказалось. Стоящие дальше по улице дешевые гостевые дома также были битком забиты туристами.

– Пойдемте на главную улицу, – сказал я. – В конце ее в переулках много маленьких гостиниц. Может быть, там найдем что-то.

Юля пожала плечами и пошла за мной.

Миновав бредущих навстречу коров, и ряд больших древних буддийских ступ (так называют здесь специальные религиозные сооружения в виде конуса), мы по подсказке встреченного по пути одинокого туриста (он оказался итальянцем) верхним переулком спустились к пыльной улице. Перейдя ее, к удивлению быстро нашли подходящее жилье. Гест хаус* находился в начале короткого переулка, который заслонял старый толстоствольный кипарис. Неподалеку у стены сидел парнишка-сапожник, разложив на грязной тряпке инструменты для своего ремесла. Показав на мои порвавшиеся сандалии, он стал настойчиво приговаривать по-английски:

– Зашить, зашить! Твоя обувь требует ремонта!

Затем паренек вскочил и некоторое время шел за нами, продолжая показывать на мою обувь. Я почувствовал себя неловко, даже, кажется, покраснел. Впрочем, тут же постарался встряхнуться: ничего не происходит, все эти неловкости – всего лишь уловки ума. На самом деле времени совсем не было заниматься обувью.

– Приду в другой раз, – сказал я, – сейчас не до этого.

Прощаясь с Юлей, я предложил:

– Может, перейдем на ты?

– Давай попробуем, – ответила она просто.

Глава 3

После вечернего сатсанга, когда все надевали обувь, оставленную на улице перед холлом, рядом оказалась Юля.

– Ты куда ходишь есть? – спросила она, и после этого вопроса я почувствовал, как мы сразу стали ближе друг к другу.

– Да тут полно ресторанчиков на улице. Хочешь, пойдем вместе поужинаем?

– Пойдем.

Мы прошли ряд туристических офисов и маленьких кафе и, войдя в тесный дворик, взобрались по железным лестничным маршам, идущим по фасаду двухэтажного здания, на крышу. Здесь стояли ряды примитивных столов и стульев, часть из которых находилась под навесами в тени, а часть на солнце. Многие ресторанчики в Лехе напоминали обычную столовую, но кормили в них добротнo и вкусно. В этом ресторанчике блюда были самые разнообразные, включая похожие на пельмени ароматные момо из баранины, и курицу, приготовленную на гриле. А какие вкусные были вегетарианские блюда! Особенно мне нравилось ассорти из всевозможных тушеных овощей. Посредством кассы, к которой подходили рассчитываться после еды, обеспечивалась большая пропускная способность посетителей. Мы сели за столик в тенистом углу, и отсюда был хороший обзор улицы.

Только сделали заказ, появились Александра с Сергеем.

– Какие люди! – засияла широкой улыбкой Александра, садясь за стол по соседству с нами на галантно пододвинутый Сергеем стул.

Похоже, у них развернулся роман. Они как голубки ворковали и не могли налюбоваться друг другом. Обнимались, не скрывая отношений. Внутри меня непроизвольно заговорили два разных голоса: «А как же муж, Александра? – сказал первый. – Ведь многие знают, что ты замужем. Девчонки говорили, что ты мужа любишь... И у вас есть маленькая дочка. Как-то не вяжется все с духовной практикой... Ладно, – прервал его второй голос, – женщина-психолог всегда найдет способ внутренне оправдаться, тем более что среди современных бизнес-леди шлюху можно встретить чаще, чем слона в Африке». «Так, стоп, – остановил я себя, – все это не твоего ума дело. Ведь еще Будда сказал, что «один человек не может судить другого». Диалог внутри меня снова всплыл сам собою: «А сам-то ты не слишком ли увлекаешься Юлей? Нет. Это другое. Не стал бы переходить на физическую близость, даже если бы она сама захотела. Не затем ехал сюда. Мне хотелось бы, чтобы Юля стала для меня другом, мне важнее духовное общение, тем более, что в Москве у меня подруга, которую я люблю. – Но тут же я признался себе: – Конечно, я не могу оставаться равнодушным к ее совершенным формам. И хотя животный инстинкт преодолеть очень и очень трудно, я не сомневаюсь, что мне это удастся. Все мы приехали сюда, чтобы изжить в себе бесовские страсти. Надо с этим работать».

– Ну как тебе твоя гостиница? – спросил я Юлю.

– Ничего, номер хороший, хозяйка ко мне относится с почтением. Но окно во двор и, конечно, никаких видов на горы. Мне хотелось бы посмотреть твой номер.

– Могу показать его прямо сейчас после ужина.

– Сегодня не могу. У меня встреча...

Утром Мастер собрал учеников на площадке возле Медитационного центра и повел группу паутиной улиц на другой край города, где вверху на скалах располагался серокаменный дворец Императора Сенге Нангьяма, правившего Ладакхом в XVII веке. Девятиэтажное, без всяких украшений, это сооружение выглядело довольно мрачно. Остановившись после крутого восхождения перед воротами дворца, Мастер немного рассказал нам

об истории Леха и затем распустил всех для самостоятельного осмотра. По окончании его речи я, было, направился к Юле, но она, то ли не увидела мой порыв, то ли вообще проигнорировала меня. Словом, я ее потерял. Пришлось лазать по дворцовым уступам в одиночку. В принципе, не очень-то и хотелось навязываться...

После трудных подъемов по крутым ступенькам и исследования многочисленных переходов, пустых пыльных комнат, я, наконец, взобрался на широкую смотровую площадку, где увидел обнимающихся в углу Сергея и Александру. Эти ребята приехал и в Тибет явно не для того, чтобы очистить душу и прозреть. «Опять они мне на глаза лезут, – внутренний голос зазвучал во мне как-то сам собой, – знак, что ли это, чтобы не привязываться к Юле?» Я давно понял, что когда приходишь к пониманию единства всего сущего, пространство начинает подавать тебе знаки и они работают – проверено. А с другой стороны, наш ум в состоянии все взаимоувязывать.

Откуда ни возьмись, появилась Ольга.

– О, привет! Завтра неподалеку от Леха в одном монастыре будет фестиваль тибетских танцев. Мы с Галей собираемся туда. Поедешь с нами?

– Не знаю.., – протянул я задумчиво.

– Хочешь, пригласи Юлю, я вижу, эта девочка тебе понравилась...

– Хорошо, попробую, – я не стал разочаровывать Ольгу, и по обыкновению принялся размышлять про себя: «Юля, это хорошо подходящая для моей ян-энергии инь-энергия*, вот и все. Я реально чувствую взаимодействие этих энергий. Они создают гармонию. Все остальное, что придумало человечество для своего развлечения – секс и умственные заигрывания – только связывает. Я по ощущениям и от природы даос и хочу прийти к пониманию Дао, в том числе через взаимодействие женского и мужского начала – они присутствуют во всем и создают все видимые и невидимые формы мира».

Глава 4

Юля случайно встретилась мне на торговой площади, когда я шел от Дворца в сторону своего гестхауса. Она легко согласилась поехать на фестиваль.

На следующее утро на площадку перед Центром медитации все три девушки пришли вовремя, впрочем, я давно заметил: точность характерна для тех, кто занимается йогой. Кто практикует здесь и сейчас и понимает, что все сущее в мире едино, никогда не опаздывает. Опаздывать – это вредить кому-то, а значит вредить себе... Если говорить обо мне, то занятия практиками цигун дали мне способность точно ощущать время. Но при этом важно как бы все время осознавать Дао, т.е. находиться в постоянной медитации. Обычно, отправляясь на сатсанг или на какую-нибудь другую встречу, я практиковал точность прихода, стараясь не смотреть на стрелки циферблата. Знаете, достаточно сложно психологически выдерживать ситуацию, когда ты, желая взглянуть на часы, уже полчаса-час ориентировался только на внутренние ощущения, а между тем идешь на встречу с самим Мастером! Любое промелькнувшее сомнение может сбить тебя с толку. Но правильная концентрация всегда приводила меня на сатсанги без опозданий.

Вообще мужчина, занимающийся цигун и даосскими практиками, зарабатывает в своем теле главным образом инь-энергию, а женщина – энергию янь. Задача растущего даоса со временем полностью заменить ян-энергию на инь-энергию – тогда, в нем появляются сверхвозможности, а говоря языком индуизма – сидхи. В Дао известны (женские) инь-парадоксы, о которых когда-то написал Лао Дзы:

- уступая, я выдерживаю испытание;
- пустое пространство наполнено;
- когда я оставляю себя, мое я становится больше;
- когда я ощущаю себя наиболее разрушенным, я нахожусь в начале периода роста;
- когда я ничего не желаю, многое приходит ко мне.

Очевидно, состояние «вне ума» (где нет ни времени, ни пространства), которого ты достигаешь за счет цигун-практики, также относится к инь-парадоксам, поскольку убирая ум, ты начинаешь знать с точностью до минуты сколько сейчас времени, и вообще многое об окружающем мире.

Итак, с Галей, Олей и Юлей я направился через весь город к автостанции. Нам повезло, не пришлось долго ждать автобуса. Правда, пассажиров, в том числе иностранцев, отличающихся от местного люда белым цветом кожи, в эту маленькую старую коробочку набилось битком. Отъехав с пару километров от города, автобус неожиданно сломался. Всем пришлось вылезать и ждать когда приедет другая развалюха, а потом забиваться в нее по новой. Две полные израильтянки с рюкзаками, раскрасневшиеся от неудобств, не выдержали и отправились ловить такси. Ольга, любящая комфорт, да вдобавок максимально низкие цены, умудрилась найти себе сидячее место.

А мы с Юлей стояли в проходе, прижатые друг к другу. Я изо всех сил старался сдерживать давившую на нее толпу и чувствовал – ох как я его чувствовал! – ее маленький упругий сосок под маечкой, надетой на голое тело; он упирался в мое плечо. Я ничего не мог поделать со своими сексуальными инстинктами. Нежно-упругая округлость ее божественной груди выводила мои внутренние энергии из равновесия. Вместо того чтобы полностью расслабиться, я становился напряженным. Не знаю, что чувствовала она, но вдруг после долгого молчания Юля сказала:

– Знаешь, каково свойство ума? Например, горит одна лампочка в коридоре твоей квартиры, и тебе много лет этого хватает. И вдруг света становится не достаточно, хотя физио-

логия твоя по-прежнему в норме. И ты вкручиваешь вторую лампочку. Но, спрашивается, что изменилось?

Я не знаю, к чему она это сказала, но ее слова показались мне очень умными. Ум красивых девушек меня всегда дополнительно возбуждал. После этого во мне вдруг так ощутимо задвигались энергии нижних чакр, что я чуть не произнес в слух: «Вот те на! Какой же я, нафиг, йог, если не умею управлять собой!»

В этот момент я вспомнил, что когда-то читал у Фрейда о человеческих возможностях трансформировать сексуальную энергию в психическую. У меня уже был собственный опыт перекачки энергии из нижней чакры в верхнюю. Научила меня этому одна совсем юная девушка. А дело было так...

Года за три до описываемых событий я как-то попал на психологический симпозиум. Там познакомился с Катей. В свои восемнадцать лет умна она была не по годам. Катя сильно впечатлила меня своими познаниями в астрологии, йоге и других знаниях. Она училась в академии йоги на третьем курсе (оказывается, и такая есть). У них преподавал какой-то выдающийся мастер. Он дал ей инициацию, научил передвигать в теле энергии и работать с чакрами. Основная техника состояла в том, что ты должен почувствовать энергетический сгусток в нижней части тела, затем визуализировать четыре красных лепестка первой чакры и протолкнуть энергию по ним, вращая по часовой стрелке. Потом, не переставая чувствовать энергию, нужно поднять ее в следующую оранжевую чакру и также провести по шести лепесткам по ходу часовой стрелки. И так далее, пока не дойдешь до тысячелистника – Сахарасары.

И вот мы с Катей на выходные едем ко мне в деревню, расположенную на берегу красивой реки в Тульской области, отдохнуть и попрактиковать. С самого начала все было как-то необычно: и то, что юная, симпатичная девушка с полуслова согласилась отправиться со мной в такую даль; и то, что четыре часа дороги за разговорами пролетели, как один миг; и то, что между нами возникла не то чтобы любовь, но какие-то особо высокие, не передающиеся описанию чувства, а точнее, ощущения... В дороге я поглядывал на ее милое улыбочивое лицо с ямочками на щеках, пытаюсь понять, что ею движет. Но потом расслабился. И сразу пришло понимание, что мы не должны переходить на близость, чисто занимаемся практикой и делимся друг с другом духовным опытом.

Свои половые инстинкты я научился сдерживать, можно сказать, еще в младенчестве, когда родители отправляли меня на летнюю детсадовскую дачу. Там в конце каждой недели в банный день молодые стройные воспитательницы старательно отмывали нашу грязь. Зная, что с помывкой последних «бойцов» няни начинают сами мыться, снимая с себя купальные костюмы, я делал вид, что не могу самостоятельно одеться и оставался одним из последних. Помню, тетенька с золотыми, рассыпавшимися по загорелым плечам кудрями, энергично вытирала меня полотенцем, поставив для удобства на деревянную скамью в раздевалке, а я с затаенным дыханием время от времени косился на притягательную впадинку пупка в бархатистом бугорке ее живота. Но, казалось, няня не замечала проявленного к ней интереса. А потом вдруг на пороге душевой появилась другая, не менее красивая и совсем раздетая няня. Освободившись от последнего мальчика, она разделась донага и сама пошла мыться. И в тот миг, когда я увидел это откровение, меня как будто накрыла волшебная волна, мир стал, как бы более проявленным, мысли куда-то ушли, предельное внимание соединило меня с чем-то, что, казалось, больше всего на свете. Состояние было очень необычное. Видимо, это было то концентрированное здесь и сейчас, которого так жаждут йоги. В следующий миг я почувствовал у себя эрекцию, и, уже каким-то образом понимая – это четырех летний малец! – что это неприлично, сознательно ввел себя в состояние страха, который мгновенно сделал отлив крови от нижней части тела, опуская «морковку». А затем нужно было стать тихим и незаметным, убрать ум, уйдя в глубину себя... Возможно, очарованные этой обра-

зовавшейся тишиной, няни не торопились меня отправлять из раздевалки, и я болтался в ней до последнего...

Я уже тогда понимал, кто красив, кто нет, кто строен, кто мне неприятен. Все уже было заложено во мне тогда, в том четырехлетнем возрасте. Кажется, что с тех пор я ни сколько не изменился, только лишь сделал ум более изощренным, в том числе и за счет знаний, которые могут уводить от истины.

Вернемся к Кате. В день приезда в деревню после вечернего чая у раскрытого окна, в которое смотрели мерцающие на небе звезды, пришло время распределяться по кроватям. Я собирался ночевать в сарае на широком диване и предложил Кате лечь со мной. «Мне от тебя ничего не нужно, – сказал я ей, – просто вместе уютней как-то». Видимо разговор за чаем о колдунах, живших когда-то по соседству, и прочие рассказы из детства как-то подействовали на Катю – она почти сразу согласилась лечь со мной. Но предупредила: «Я сейчас прохожу практику брахмачарья*, мне интимная близость мастером запрещена на три месяца». Я еще раз заверил ее, что приставать не буду.

Мы легли рядом. В широкие трещины дощатого пола пробилась трава, пахло свежестью и высохшей древесиной. Катя была в одних трусиках и маечке на голое тело. Естественно, и я не стал обнажаться. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, некоторое время лежали молча, стараясь заснуть, но сон никак не шел. Обычно у всякого мужчины рядом с привлекательной женщиной возникает позыв что-то делать, куда-то двигаться. Внешне это может не проявляться. Просто движение начинается спонтанно где-то внутри в результате невидимого взаимодействия женской и мужской энергий – инь и ян. Картина природная: все в проявленном материальном пространстве имеет противоположности вследствие двойственности нашего мира. Существует плюс и минус, мужчина и женщина, холод и тепло и т. д. Эти противоположности создают движение соответствующих энергий.

Мне захотелось положить руку под голову Катерины, и она позволила мне это сделать. Мы стали болтать о чем-то. Я расспрашивал ее об учебе в академии, о практиках. Но напор сексуальных энергий толкал меня на действия. Я сдерживался из последних сил, потом как бы ненароком положил руку на умеренно большую и почти каменную грудь Катерины. Она невозмутимо спросила: «Что ты делаешь?» и спокойно убрала руку. Но ее молодое тело было так притягательно. Я снова вернул ладонь на прежнее место. «Ну если тебе так нравится, – сказала она. – Но ты ж понимаешь, что дальше путь закрыт: брахмачарья – это святое!» «Я не буду к тебе приставать, просто давай полежим так», – прошептал я.

Мы лежали некоторое время молча. Вдруг Катерина сказала: «Ты, конечно, и сам пробудился, и меня сумел возбудить». «Да нет, спокоен», – стал оправдываться я. «Как же, обманешь женщину! Давай я расскажу, как можно убрать это давление в нижней части. У меня уже весь нижний пояс как бы горит». И вот тогда-то она и научила меня тому, чему научил ее Учитель.

Главное было четко создать визуализацию чакр, и ощутить движение шарика энергии по ним, и затем одновременно с Катиным шариком перевести свой комок энергии выше.

С каким знанием дела она все объясняла! И не торопила. Она очень хорошо меня чувствовала. И когда мы дошли до сердечной чакры, я ощутил такую реальную трансформацию – низ живота словно опустошился. Но когда последними волевыми усилиями нам удалось достигнуть горловой чакры, энергия сама стала уходить вверх. Нужно было только совсем чуть-чуть поработать с сахарасарой... И вдруг мы полностью растворились друг в друге. Не только тело, все вокруг исчезло, только чувствовалось как бы соединение двух духовных начал. Это был экстаз, чистый и непорочный... «Чтобы продлить это состояние, тебе нужно закрыть все верхние отверстия, – сказала она, – зажми руками рот, уши, нос, глаза...»

В том маленьком деревянном сарайчике мир открылся мне во всем своем единстве...

«Это намного круче, чем заниматься примитивным сексом даже с самой красивой женщиной и внушать себе, что это вершина всех устремлений, – сказал я Кате, когда снова ощутил реальность этого мира. – А ведь ради постельных утех многие мужчины готовы идти на невероятные страдания...»

Сейчас, теснясь и трясясь в автобусе рядом с Юлей, я вспомнил Катину практику и начал, было, работать с чакрами, но тут Ольга позвала нас к выходу, сказав, что мы почти приехали.

Глава 5

Выйдя из автобуса, мы увидели стоявший на возвышенности монастырь. Издали казалось, что он состоит из трех прилепленных друг к другу высоких домов с многочисленными окнами. Постройки различались по цвету – серая, бордовая и белая. Потом я разглядел на сером фоне строительные леса: серое – это оказывается штукатурка; после ремонта левое крыло монастыря снова будет покрашено в белый цвет; бордовый посередине, естественно, останется, так как это любимый цвет буддистов.

Горы виднелись в отдалении, и мы находились в широкой долине. Где-то там, посередине ее текла река. Пыльная дорога с толпами паломников, уставленная по краям множеством машин и палатками торговцев, повела нас вверх. Вскоре она разветвилась, уйдя в сторону, туда, где были наибольшие массы людей и слышались звуки трубы и барабанов.

– Вероятно, там проходит фестиваль танцев, – сказала Ольга, остановившись, – но нам лучше сначала осмотреть монастырь.

Мы не возражали. Полуденное солнце светило слишком ярко, и хотелось поскорее спрятаться в прохладной тени каменных стен. Пройдя ворота монастыря, мы стали взбираться вверх крутыми лестничными переулками, заглядывали в залы с выставочными экспонатами, рассматривали компактно расположенные на этажах монашеские кельи, и вскоре мы с Юлей отбились от наших друзей. И я сразу как-то почувствовал невероятное облегчение. Хотелось побыть со своей спутницей наедине – другая женская энергия, тем более, совсем не молодая, была бы лишней.

По пути на этажах встречались храмы. В любые храмы, будь то христианские, мусульманские, индийские или буддийские я всегда любил ходить один. Любой знакомый, находящийся рядом, неизменно выводил меня из разотождествления. Поэтому я так понимаю: истинная связь с Богом происходит только тогда, когда ты полностью расслабляешься и как бы забываешь об окружающем мире. В групповых экскурсиях я всегда старался дожидаться, когда большинство людей выйдет из храма и, оставаясь один, иногда начинал чувствовать, как на меня буквально сходит Божественная сила. В некоторых храмах энергии были очень мощными. Однажды я сказал православному батюшке, что будучи в Дели, зашел в индуистский храм и возле лингама Шивы от пронизывающих энергий меня буквально зашатало. На что священник ответил: «Знамо дело, где бисовские силы кроются – в индуистских храмах!» Я постарался все это не комментировать даже себе, ибо кто я такой, что бы о чем-то судить! Я просто описываю события, которые происходят так или иначе. Мастер учил нас находиться в таковости, то есть быть здесь и сейчас, и не поддаваться на происки ума, который в любой момент может вывести тебя из этого состояния, увлечь своими иллюзиями.

Но в этот храм я зашел следом за Юлей. Я хотел через высшие энергии и божественную силу намоленного веками места как-то познать ее инь-энергию. Мы вошли в маленький зал, в центре которого в позе лотоса восседал огромный золотой Будда. Кроме нас не было ни других туристов, ни священнослужителей. Юлия села слева от входа, я же, вспомнив, что в индуистских храмах женщины садятся на службе с левой стороны зала, а мужчины по другую сторону – справа. Возможно, также принято и у буддистов... Мы оба ушли в медитацию. Я держал свое внимание в середине груди, и образ золотого Будды помогал создавать там свет. Снова вспомнились слова Лао Дзы: «Земля больше человека, Космос больше Земли, Дао больше Космоса», поэтому чтобы максимально приблизиться к Богу, к Дао, нужно было войти в состояние Космоса, а для этого нужно очень четко представлять себе его во всех направлениях. Ощущать бесконечность пространства во все стороны мне помогали практики цигун. Они дали понимание, что человек – это не то, что я себе представляю, что его

тело – это размеры Вселенной, и только нужно научиться ощущению Пространства бесконечности.

И сейчас, приступив к ставшей уже привычной практике разотождествления, я очень быстро настроился на восприятие Космоса, вошел в состояние безграничного пространства и неожиданно почувствовал, что сердце открылось, соединив в себе каждую частичку громадного мироустройства. Почти такое же состояние Великой любви я уже испытывал один раз, но в обычном отождествлении ума с окружающим миром вспомнить его было невозможно – попытки всегда заканчивались только ощущением тоски по этому состоянию блаженства. Сейчас я подумал, что Юлина энергия, трансформировавшись через высшие энергии, помогла мне войти в состояние этой неизъяснимой радости. Но переполнявшая меня любовь была выше привязанности к личности, поэтому слез не было...

Выйдя из медитативного состояния, я стал осматривать зал и обнаружил, что Юли нет; выглянув за красиво расписанные ворота храма, увидел, что она надевает снятую ранее обувь.

– Как ты почувствовал, что я закончила медитировать, ведь я выходила тихо?

– Не знаю. Вдруг стало не хватать ощущения твоей энергии.

Она внимательно посмотрела на меня и улыбнулась.

– Я не хотела мешать тебе. Пойдем выше.

Мы прошли еще пару пролетов по ступенькам и вскоре оказались на ровной, как солдатский плац, крыше. Перед нами открылись виды на отдаленные горы и уходящее к ним выжженное солнцем плато. Фестивальная площадка в окружении кольца зрителей находилась внизу прямо под нами, и мы с высоты птичьего полета стали разглядывать танцующих в ярких костюмах и масках маленьких человечков.

– Смотри, здесь на краю крыши классное место! – сказала Юля. – Никто не мешает, можно перекусить, – и, смешно прищурившись на солнце, добавила. – После медитаций всегда так есть хочется...

В этот момент всплывший перед глазами образ голливудской актрисы Деми Мур четко наложился на образ Юли. «Удивительно, как она на нее похожа... Почти такое же лицо, волосы, фигура, грудь, манера поведения. Я хорошо запомнил эту актрису по фильму «Призрак», который впечатлил миллионы зрителей не только правдиво переданной мистической историей, но и незабываемой музыкой. Однако внешне мне никогда не нравились черноволосые, коротко остриженные девицы. Моя жена была блондинкой...

Юля достала из рюкзака вещи и стала выкладывать на красивое покрывало принесенную с собой еду.

– Садись. Вот подложи себе коврик, а я сяду на этот кусок шкуры. У меня много чего есть.

– У тебя все предусмотрено для походной жизни... Я тут тоже кое-что из еды прихватил.

– В горах нужно всегда быть хорошо экипированным, мало ли что... Давай, ешь, – она протянула мне бутерброд с белым сыром и большой кусок красного перца.

– Как вкусно!

– Это яковый сыр. Я его купила на рынке.

Я еще хотел что-то сказать, но она остановила меня:

– Давай помолчим. Прием пищи требует тишины.

Она положила бутерброд себе на ладонь и, сидя в позе лотоса с закрытыми глазами, замерла – видимо читала мантру или молитву – так иногда делают йоги, чтобы пища лучше усвоилась.

Я ею любовался и успевал любоваться танцующими внизу человечками и горами. Господи, как хорошо-то! Что еще надо человеку! Казалось другого мира, кроме этого не суще-

стует. Но тут послышался знакомый голос, и мы увидели высунувшуюся из лестничного проема голову Ольги:

– О, ребята, привет! Вы тут? Как здорово, что вы догадались здесь пообедать! Я с удовольствием составлю вам компанию!

Ольга с невероятным для ее лет проворством вспорхнула на крышу и, подойдя к нам, уселась рядом. Выглядывая за карниз, чтобы посмотреть, что там происходит, она, словно огромная птица, пытающаяся рассмотреть внизу добычу, загоразивала мне Юлю.

– Какой у вас тут прекрасный вид! – присоединившись к трапезе, Ольга разговаривала с набитым ртом. Всякий раз это меня раздражало. Сразу вспомнились слова организаторши одного подмосковного йогического семинара, которая по его итогам отчитывала учеников: «Многие из вас непонятно зачем сюда приехали! Если дежурный по столовой режет сыр так, словно его топором нарубили, а в унитазе некоторые, простите, дерьмо не смывают за собой как следует, то что такой человек может получить от Мастера? Сначала нужно научиться элементарной культуре, а уж потом о высших материях говорить! Если вы хотите есть такой сыр, то ешьте, я его есть не буду!»

И в который раз за эту поездку я приказал себе: «Смиряться, Ольга послана тебе для работы над собой. Значит, тебе это пока надо. Иногда мир дает человеку возможность посмотреть на себя со стороны через другого человека. Может быть, и ты не так безукоризнен? Нужно будет тщательнее понаблюдать за собой...»

Покончив с едой, мы спустились по каменной лестнице, оказавшейся на обрывистой стороне монастыря, прямо к фестивальной площадке. Здесь на импровизированной сцене прыгали и кривлялись два маленьких человечка в костюмах обезьян, очевидно, это были подростки. Потом их сменили страшные маски с копиями. Среди множества зрителей мы вдруг увидели Галю. Она сидела на стуле и еще два стула перед стеной стоящих людей были свободны. Ольга сразу заняла одно место. Юля оставалась стоять рядом со мной. Актеры танцевали слишком примитивно и однообразно.

– Что-то не очень интересно, – сказала Юля, – может, пойдём, погуляем, посмотрим, что предлагают торговцы?

– Пойдем.

Мы пошли вдоль торговых рядов и вскоре увидели паренька в красных шароварах с голым торсом, жонглирующего небольшими светящимися шарами. Во время полета эти шары меняли свой цвет с красного на оранжевый, с оранжевого на желтый, с желтого на зеленый, с зеленого на голубой и, наконец, на белый.

– Слушай, – загорелись глаза у Юли, – ведь эти шары почти копируют чакры, они даже меняют цвет в той же последовательности. Спроси, а можно их у него купить?

– Смотри, а вон такие же продают с прилавка!

– Где?

– Там.

Мы подошли к девушке, торговавшей наряду с другими сувенирами светящимися шарами.

– Сколько стоит один шар? – спросила у нее Юля по-английски.

– Двести рупий. В них светодиоды с резисторами и встроенная батарейка, – объяснила девушка.

– Хорошо, – сказала Юля, – я их беру. Дайте мне три.

Девушка положила шары в яркий сувенирный пакет и протянула Юле. Та рассчиталась и устало вздохнула:

– Ну теперь, похоже, пора домой. Где тут конечная автобусов?

Но оказалось, что уехать с фестиваля не так-то просто. Автобусы все были заказные. Они ждали своих туристов и нас брать не хотели. Мы протолкались на автомобильной

площадке, на которой полицейский регулировал отправкой машин, битых полчаса, но так и не могли уехать. Даже попутки нас не брали. Такого давно со мной не случилось. Я уже говорил, что в путешествиях, особенно по буддийским странам, все складывалось для меня гладко. Значит, задержка вызвана необходимостью. Но какой? Я вспомнил об Ольге. Неужели это потому, что мы должны подождать ее? Если это так, то она сейчас появится, а уж с ее организаторскими способностями мы конечно быстро уедем. Буквально через минуту после моих размышлений появилась Ольга с Галей.

– Ну, что узнали, где тут автобусы до Леха?

– Обычных автобусов вообще нет, все заказные.

– Не может быть, ну как это так?! – не поверила Ольга.

Она ринулась сквозь толчею людей искать автобус, но вскоре вернулась.

– И правда, я узнавала у полицейского, он говорит, что автобусы сюда не заходят и надо идти на трассу.

– Странно, но нас ведь как-то сюда привезли?

– Для меня это тоже загадка.

В это время я увидел салящихся в стоящий на обочине джип европейцев – мужчину и женщину.

– Извините, вы в Лех? – спросил я, подойдя к ним.

– В Лех.

– А моих девушек возьмете?

– А сколько человек?

– Трое.

– Да, у нас как раз три места свободных.

– Девчонки, идите сюда, – позвал я. – Вот джип.

– Повезло! – воскликнула Ольга, влезая в автомобиль.

Галя последовала за нею. Юля оставалась рядом со мной.

– Нет, я без тебя не поеду. Езжайте, – сказала она, мы будем ждать другую машину.

– Ой, да джип такой широкий, – сказала Ольга. – Мы тут и вчетвером сзади сядем. – Индусы в такие джипы вообще по двадцать человек набиваются.

Она стала о чем-то толковать с хозяевами автомобиля, и те вдруг очень радостно позвали нас с Юлей в салон.

Когда я втиснулся к женщинам, взяв Юлю на колени, Ольга удовлетворенно произнесла:

– Это англичане. Они думали, что в машине на заднем сиденье можно ездить только втроем, но я им все объяснила.

Действительно, Ольга обладала непревзойденными организаторскими способностями!

Глава 6

– Ты хотела посмотреть мой номер? – спросил я у Юли, когда мы выходили, отужинав в ресторане.

– Уже поздно, – она казалась задумчивой. – А, впрочем, ладно. Уж очень хочется посмотреть на горы из твоего окна!

Мы пошли коротким путем, который я недавно разведаль – тропкой вдоль быстрого ручья, текшего между огородами.

Калитка на территорию гестхауса была открыта. Во дворе никого не было. Мы поднялись на второй этаж. Мои соседки за занавешенной открытой дверью читали мантры. Слегка повозившись с неудобным навесным замком, я открыл номер. Вошли. Я раздвинул шторы на окнах. Внизу лежал Лех, и его окружали охваченные заходящим солнцем горы. Юля замерла посередине комнаты.

– Красиво... Какой вид! Окна огромные! И номер просторный! А на кровати можно вчетвером разместиться!

– Это если лежа... А если в ряд друг за другом, то наверное... сядут человек десять медитирующих...

– А давай и мы с тобой посидим. И просто полюбуемся закатом.

Она уселась на краю кровати в позе лотоса, а я просто прилег рядом. Ее кожа, пахла свежестью, как у ребенка. Я увидел, что она закрыла глаза, и стал рассматривать черты ее лица. Незаметно я ушел в состояние полусна-полумедитации, когда вот-вот провалишься в забытие, но какая-то сильная привязка не дает уйти в сон окончательно. В этом пограничном состоянии ты контролируешь физическое тело и видишь его как бы со стороны, но, в то же время, тебя охватывает сладкое разотождествление. Вдруг я услышал, как слегка пробежался треск по стене. Мы открыли глаза и удивленно посмотрели друг на друга.

– Почему у тебя стены трещат?

– Не знаю, у меня так часто бывает, даже дома в Москве. Когда я сажусь в медитацию или думаю о потусторонней жизни, то мне как бы дают знак, что она существует. У тебя так не бывает?

– Нет. Может тебе нужно стены окроплять святой водой? Или хотя бы обычной? Я вот дома после сна обязательно взбрызгиваю свою кровать, чтобы нейтрализовать астральных существ, которые прилипают во сне.

– Помогает?

– Да. После окропления водой всегда спится лучше. Послушай, – вдруг сказала она. – У нас же есть волшебные шарики! Может быть, их как-то можно приспособить для медитации?

Она взяла свой рюкзачок и вынула оттуда шары.

– А как?

– Мы можем сесть напротив друг друга. Садись в позу лотоса. Вот, хорошо. А шары мы поставим между собой.

– А что дальше?

– А дальше включаем шары и смотрим на них. Они помогут нам очень четко представить свои чакры. Во многих йогических школах большое место уделяется визуализации.

Шары попеременно загорались красным, оранжевым, желтым, зеленым, синим и белым цветом.

«Фантастика! – воскликнул я про себя, – неужели она сейчас будет учить меня раскручивать энергию по лепесткам и поднимать ее вверх?» От одной этой мысли закипели энергии в свадхистхана-чакре, отвечающей за сексуальные инстинкты. Но оказалось, что Юля

об этой технике ничего не знает, и когда я объяснил, а она сделала попытку закрутить энергию, у нее ничего не получилось. У меня вначале тоже. Я был рассеян и немного взволнован ее близостью. Не хватало безмятежности и сосредоточенности на внутреннем.

– Нам не хватает йогического опыта, – сказала Юля.

– Нам не хватает мудрости... Давай просто посидим с закрытыми глазами и сосредоточимся на пустоте. В некоторых направлениях буддизма считается, что мудрость возникает из созерцания пустоты.

Мы сели на кровати друг напротив друга. Она закрыла глаза и позволила положить мои руки на ее раскрытые ладони.

– Поверь, – сказал я тихо, – во Вселенной все создано только умом, когда он убирается – все исчезает или видится в совершенно другом свете.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она.

– Я тебе потом расскажу. Просто постарайся убрать все связи: образы, запахи, ощущения, звуки, вкус, словом все, что привязывает.

– Тогда я уберу твои руки.

Она пошевелила ладонями, и я отсоединился.

Удивительно легко было сидеть рядом с ней. Несмотря на то, что в начале энергии нижней части живота не давали мне покоя, я очень быстро сумел перевести их в Сахарасрару* (а, пользуясь даосскими терминами, в верхний Дантьян*) и сразу наступило полное спокойствие. А потом вообще все исчезло. Появился рассеянный по всему Космосу свет, и в нем было все мое внимание.

Не знаю, сколько прошло времени. Очнулись мы одновременно.

– С тобой так хорошо и спокойно, как с лучшей подругой. Мне бы хотелось рассказать тебе многое, но лучше говори ты... Ты сказал, что когда ум полностью убираешь, то Вселенная видится в другом свете. Как это?

Я долго думал, что на это ответить, но потом все же решился.

– Я никому не говорил..., но эта тайна, вероятно, мои очередные предрассудки. Если у меня был опыт вхождения в состояние другого видения Мира, то должно быть и другие вправе знать об этом? Во всяком случае ты... Я однажды был там, где все едино. Ольга говорит, что описываемое мною состояние – это какой-то уровень астрала. Но даже если это так, то это очень благостный астрал.

– Как же ты в него попал?

– Был период, когда у меня целый год не было женщины. Буддистские и христианские монахи считают воздержание важной частью духовного роста. И я следовал их заветам. Кроме этого я перестал употреблять спиртные напитки и мясо. Но каждый день я подолгу занимался цигун, гармонизируя в себе энергии инь-ян. И вот однажды, выйдя из-за письменного стола, за которым просидел несколько часов, работая над статьей, прилег на кровать. Мое тело лежало на ровной достаточно твердой поверхности и без подушки. Автоматически я вошел в состояние медитации, ведь известно, что даже Будда медитировал иногда лежа. И вдруг я почувствовал, как некая, неведомая мне до этого субстанция, начала подниматься от основания позвоночника. Это было похоже на движение змеи. Подойдя весь путь, энергия уперлась в макушку. Было предчувствие, что сейчас произойдет самое главное в моей жизни – открытие в себе чего-то такого, чего я раньше не знал. Я много раз слышал рассказы разного уровня йогов о том, как энергия кундалини поднимается вверх по центральному каналу – сушумне, и когда она выходит через макушку, то йогину и открывается то самое запредельное. Но это теоретически, а на практике, с кем бы это происходило, я таких людей не встречал. Энергия во мне напирала с такой силой, что найдя микро дырочку в макушке, стала через нее просачиваться. Против нее ни что не могло устоять. Внезапно оглушительный звук прервал мою связь с внешним миром – энергия разом вырвалась через макушку

наружу. И я исчез. Меня не стало. Я смотрел по сторонам во все глаза, но не видел своего тела. Одновременно я ощутил себя везде, во всех направлениях Вселенной. Все было заполнено мною – лучащейся золотистой энергией. Волны ее переплетались и переливались разными оттенками. Повсюду была полнота и гармония более темного или более светлого золотого сияния. Космос был живым, полным невыразимой любви и отзывчивым. Вдруг тонкий, едва уловимый свист, пронизывающий его, преобразовался в звуки, похожие на щебетание птиц. Возникло ощущение полного блаженства. Не знаю, тогда или уже по возвращению в тело у меня возник вопрос: «Не об этом ли священники говорят, как о рае?» Потом щебетание трансформировалось в слова, и я отчетливо услышал: «Смотри, кто к нам пришел!» Оказывается, я состоял из бесконечного множества живых существ, и все они находились во мне – со мной неразделенно, и в тоже время слова слышались со всех сторон. Непередаваемое ощущение, когда нет образов и форм, но есть единство всего! Ни что не отвлекает, все воспринимается (да и воспринимающего-то кажется нет) в едином целом! Великая безграничная радость! Трудно объяснить это вне умственное, но в то же время мыслящее осознанное состояние...

Я замолчал.

– А что было потом?

– В какой-то момент я подумал о своей личности и об оставленном где-то теле. Я почему-то четко знал, что пребывать дольше в этом благостном состоянии можно только, не концентрируясь на прошлом, не привязываясь к телу, а оно осталось в прошлом. Но появилась мысль, которая привнесла в этот новый для меня мир какое-то легкое, пока еще отдаленное беспокойство поиска чего-то. И я понял, что мысль ищет привязки к телу. Она была все навязчивее и навязчивее. Я старался удержаться в новом для меня мире, но с мыслью ничего нельзя было поделать! Она заставила меня вползти через дырочку в макушке назад в свое брненное тело... И больше никакие усилия не смогли заставить выйти в состояние высшей благодати.

«Вот он какой рай!» – думал я тогда в потрясении, боясь пошевелиться.

Наступила пауза.

– Ну, ладно, – сказал я, – расскажи мне теперь ты что-нибудь.

– Да мне нечего тебе рассказать.

– Тебя ведь что-то беспокоит в этой жизни?

Она внимательно посмотрела на меня, стала копаться в рюкзаке и вынула сигарету.

– Можно покурить?

– Тебе можно.

– Я открою, – она кивнула на фрамугу, положила сигарету на стул, где были продукты (несколько плодов авокадо, пакет молока, бутылка сока, полбатона хлеба), подошла к окну и, изящно потянувшись, щелкнула верхней щеколдой. В комнату ворвался ветерок. Юля снова под села ко мне, и, забыв взять сигарету, стала рассказывать:

– В Англии остался один человек, с которым у меня было несколько лет счастливой жизни. Малоизвестный режиссер, он своих проектов не имел. Как он сам говорил, работаю на дядю. Но меня все устраивало. Денег хватало. У нас была прекрасная квартира в хорошем районе. Но потом все пошло не так. Для меня. Неожиданно нашлись спонсоры, и он стал снимать собственное кино по давно написанному им сценарию. Он буквально жил на киностудии, дома не ночевал. На меня он, казалось, махнул рукой, обещая где-то в будущем мне золотые горы и царскую жизнь. А я хотела жить сейчас, а не в иллюзорном будущем. Короче, мы расстались. А теперь я думаю, правильно ли я сделала? Может быть, надо было дожидаться, когда он придет в себя, и тогда можно было бы уговорить его поехать со мной в Индию? Здесь многое становится понятным.

– Тебе надо его отпустить, побольше медитировать, и тогда пустота сложит для тебя судьбу наилучшим образом. Пустота наполнится смыслом жизни на новом уровне, и, возможно, твой возлюбленный даже сам найдет тебя. Медитация – это уход от известных нам измерений – времени и пространства, туда, откуда этот весь мир создается...

– Да, Мастер говорил, что ум в пространстве и во времени создает образы, формы, иллюзии мира, а все это есть, ничто иное, как энергии. Энергии, сталкиваясь между собой, не дают внутри тебя наступить покою.

– Правильно... Мне тут пришло на ум сравнение. Знаешь, есть поговорка: «Время лечит?»

– Ну да...

– Но ведь когда нет ни времени, ни пространства, то лечить нечего. Почему наркоманию ни кто не может вылечить, кроме сильнейших учителей йоги? Потому что психологи и врачи опираются на внешние связи, хотят одни связи заменить другими. Йогин же идет через пустоту. Что такое наркотик? Сильнейший стимулятор ума, который напрямую связан с телом. Но когда ты находишься в полной пустоте, то тебе просто нечего стимулировать. Тебя нет, и ты не испытываешь дискомфорта.

Я почувствовал, как после этой моей тирады она слегка напряглась.

– Ладно, пойду. Завтра к девяти надо быть у Мастера.

– Я тебя провожу.

Мы тихо вышли из дома и тем же переулком пошли к ручью, который спускался к главной улице. Светила яркая луна, но в тесной, заросшей кустарником пойме стало слишком темно, я вспомнил о фонарике, который остался дома в маленьком рюкзаке. Надо было его прихватить. Но возвращаться и лишний раз скрипеть половицами в спящем гестхаусе не хотелось. Ладно, доберемся так.

Передвигаться было трудно. Мы то и дело останавливались, отыскивая тропинку; балансируя, прыгали по торчащим из воды булыжникам, поддерживая друг друга. В темноте от Юли исходил такой магнетизм...

Один раз она, было, чуть не плюхнулась с камня в воду, но удержала равновесие, упершись в узкую полоску суши ногой. А я, пытаясь помочь ей, так приблизился, что наши носы соприкоснулись. Какое-то время мы балансировали вместе. Ее тело, словно магнит, притягивало меня. Я боялся, что не удержусь и поцелую ее. Но она сама едва ощутимо потянулась ко мне, и чтобы не форсировать события, я, как тогда в детстве, создал образ пустоты. Я искал чего-то большего...

Глава 7

Через день Мастер организовал новую экскурсию, точнее это была поездка по нескольким монастырям. В то утро, как обычно проверяя свою интуицию, я долго не смотрел на часы. А когда понял, что пора выходить, на часах уже было без семи девять. Отъезд был назначен на девять ноль ноль, а Мастер никого не ждал ни минуты. На дорогу до Медитейшн-центра у меня уходило пять минут. Успею. Спустившись быстро вдоль ручья и перейдя мост вначале улицы, увидел, что возле огромного буддийского барабана, закрепленного под крышей на постаменте, никого нет; значит, еще могу один раз быстро обойти его по кругу, вращая за рукоять. Внутри барабана мантры – может быть сотни или тысячи исписанных листков. Когда барабан вращается, они подстраивают тело человека на более тонкие частоты. Я быстро прокрутил барабан. На один круг по ощущениям ушло не более минуты. А дальше надо бежать, чтобы попасть к отъезду хотя бы за минуту.

Но, прибежав на площадку перед Медитейшн-центром, я никого из наших не увидел. Не может быть, чтобы такое количество людей могло так быстро и организованно уехать, ведь по слухам в туристическом офисе было заказано для группы более десятка легковых автомобилей. Я рванул почти по-спринтерски по дороге, уходящей вниз петлей, надеясь обнаружить хвост колонны, и неожиданно выскочил прямо на Мастера. Худощавый, длинноволосый, с чисто выбритым лицом, одетый в свою серую одежду саньясина, он стоял на перекрестке с черным рюкзаком за плечом и жестами выстраивал несколько скучившихся автомашин в линию.

– Алекс, садись в машину с табличкой «12» на стекле. Там есть одно место.

Ни выговора, ни сурового взгляда. Но при этом я вспомнил, что кое-кому Мастер, бывало, делал и жесткие замечания...

В автомобиле, кроме меня, молодой бизнес-леди и ее семнадцатилетнего сына, успешного объездить с мамашей полмира и переполненного юношеским максимализмом, была еще ничем не примечательная женщина пенсионного возраста. Но она-то как раз и оказалась самой интересной собеседницей. Когда я рассказал попутчикам, что мы с Ольгой перед Лехом были в Шринагаре, и видели там в маленькой мечети гроб Пророка Иисы, она стала с увлечением рассказывать о прочитанной ею книге «Неизвестная жизнь Иисуса».

– По плану мы должны посетить монастырь в Хемисе. Как раз он-то и известен легендой о пребывании в Гималаях Иисуса Христа, – начала Нина Ивановна. – В 1890 году русский путешественник Николай Александрович Нотович, путешествуя по Ладаку, сломал ногу, и его поместили в Хемис Гомпа для оказания помощи. Там он оставался два месяца. Нотович обнаружил в библиотеке монастыря сочинения об Иссе, написанные на тибетском языке. Единого текста не было – разрозненные рассказы об Иссе входили в сборник различных по содержанию рукописей. С помощью одного из лам он выстроил их в хронологической последовательности. Как-то, копаясь в библиотеке Хемиса, он обнаружил древний манускрипт. Настоятель монастыря перевел ему текст, в котором якобы описывалась неизвестная жизнь Иисуса Христа. Из этого текста Натович понял, что речь шла о том, что Христос посетил Синд, Раджгир, Банарас, Непал, Кашмир и Персию. Предания об Иссе, по словам ламы, были записаны в Индии на языке пали в середине 1 века н.э. со слов людей, видевших Иссу в Индии и Непале, а также со слов индийских купцов, которые поддерживали торговые связи с Иерусалимом. Около 200 года палийские свитки привезли из Непала в Тибет. Впоследствии их перевели на тибетский язык в монастыре на горе Марбур близ Лхасы. В Хемисе хранились копии этих переводов. По возвращении в Париж Нотович опубликовал книгу «Жизнь святого Иисы, лучшего из Сынов Человеческих». В 1894 году книга была опубликована в Нью Йорке под названием «Неизвестная жизнь Иисуса».

И далее Нина Ивановна пересказала вкратце фабулу книги. Я внимательно слушал, стараясь для себя ничего не комментировать и ни о чем не спрашивать. Со времен Христа прошло слишком много времени. Так могло быть, а могло и не быть. Но все же необычное чувство возникло, когда я услышал, что мы едем в Хемис.

По дороге колонна остановилась на серпантине, чтобы туристы могли сфотографировать вид на долину реки в междугорье. Часть автомобилей выстроилась на обочине, скрывшись за поворотом. Юли видно не было. Впрочем, я дал себе установку находиться здесь и сейчас. Еще свежи были в памяти слова Мастера, произнесенные недавно. Когда кто-то его спросил на сатсанге: «У вас есть друзья?» Он ответил: «Мой друг тот, кто в данную минуту находится ко мне ближе всего». И тут я увидел Александру на краю обрыва и поодаль Сергея, который, взяв профессиональный фотоаппарат своей подруги, фотографировал ее. Александра и сама в поездках очень много снимала, а потом выкладывала подборки фотографий на своем сайте.

– О, привет! – воскликнул я.

– Привет, привет! – Александра счастливо улыбалась, принимая очередную позу с выгнутой спиной.

«Хороша плутовка!» – чуть не вырвалось у меня, но на деле сказал:

– Давайте сфотографирую вас вместе.

– Давай! – сказала Александра, – а еще лучше снимемся втроем. Вон Галя щелкнет.

Пришлось запечатлеться. В это время вспомнилось, что многие продвинутые йогины и даосы не любили и не любят фотографироваться. Например, Лахири Махасая пытались много раз заснять на фото пленку, но ничего из этого не выходило. Отпечатка не было. Но кто я такой, чтобы об этом даже думать...

Прозвучала команда по машинам. Снова пыльная дорога. Горы практически без всякой растительности. Иногда колонна проезжала поселки с ничем не примечательными одноэтажными домишками на зеленых оазисах и пирамидальными тополями у дороги. Изредка на отдаленных высотах открывались древние труднодоступные монастыри, своей окраской сливающиеся с серой окраской гор. И, конечно же, множество белых ступ, самой разной величины и в самых неожиданных местах. Наконец дорога из долины реки снова пошла вверх – к показавшемуся на взгорье большому белокаменному монастырю с красными крышами построек.

Когда наши обступили Мастера на нижней площади монастыря, я обнаружил, что Юли в группе нет. «Наверное, опоздала или опять у нее какая-нибудь встреча. Жаль не увидит эту красоту и не посетит монастырь, где Натович якобы нашел рукописи. Однако для йога жалеть о чем бы то ни было не пристало. В каждом моменте можно найти интересное».

Вход в главный храм почему-то был платный. Монах с необычным взглядом сидел на стульчике и продавал билеты. Когда группа стала ему совать деньги, он как-то непонятно улыбался, но его состояние благодати было очевидно. И тут до некоторых из нас дошло, что монах слепой, но он каким-то непостижимым образом, ощупывая денежную купюру, умел определять ее номинал и почти безошибочно выдавал сдачу. Когда же он медлил, то кто-то из туристов помогал, вытягивая из его левой руки потрепанные рупии.

Храм был очень древний. В центре напротив медитирующего Будды в два ряда лицом друг к другу сидели монахи и монотонно с характерными для буддистов гортанными звуками читали сутры*. Группа расселась за спинами монахов и все погрузились по примеру Мастера в медитацию. Конечно, медитировать с Мастером, да еще в храме такого порядка, было изначально чем-то запредельным. Моя точка сборки, если говорить словами известного мистического писателя К. Кастаньеды, сразу переместилась куда-то в другой мир. Я вернулся в реальность только тогда, когда заиграли две огромные трубы, лежащие на подставках вдоль правой стены.

Казалось бы, ничего особенного не произошло, но после медитации я как бы заново укрепился в понимании, что я есть все, и что тело – это только личина, форма для привязанности – я есть. Потом группа рассеялась по монастырским этажам и закоулкам. Я поднялся на второй этаж, где находился музей и библиотека, и стал рассматривать через застекленные полки манускрипты, обернутые золочеными тканями; некоторые лежали в бордовых коробочках. Хотелось к ним прикоснуться. Но хотя в зале служителей не было, трогать их, конечно, было нельзя. Пытался ошутить, в каком из свитков есть упоминание о Христе, но они все казались одинаковыми.

Когда в библиотеку зашли двое наших, я перешел в музей. Здесь находились трое японцев – двое мужчин и женщина, которым экскурсовод-переводчик на английском рассказывал историю монастыря:

– Монастырь был основан в 11 веке. Однако свой современный облик приобрел в конце 17 века. Но и после этого он неоднократно перестраивался. Если вы видели картину «Монастырь Хемис. Ладакх» великого русского художника Василия Васильевича Верещагина, то по сравнению с сегодняшним обликом монастыря, можете заметить разницу в планировке. Верещагин посетил монастырь в 1875 году. Монастырь был известен издавна, так как находился недалеко от Великого шелкового пути. Хемис связывают с именем великого древнего йогина Наропы*, считается, что он создал школу Кагью* именно здесь.

Японцы понимающе кивали.

– По другой версии, – продолжал экскурсовод, – Хемис Гомпа был основан в 13 веке Ламой Сьялва Готсанг-па. Он медитировал в пещере и вокруг нее построил небольшой храм, известный сейчас, как Готсанг Гомпа. Располагается он в горах над Хемисом и находится под его управлением. Там же и кельи монахов, созданные для уединенных медитаций. Классический ритрит длится 3 года, 3 месяца, 3 недели и 3 дня, а всего получается 40 месяцев.

«Возможно, копии манускриптов хранятся не здесь, а в другом монастыре», – подумал я.

Выйдя из музея и спустившись вниз по деревянной лестнице, увидел Мастера.

– Мастер, скажи, пожалуйста, – обратился я, – а следующий монастырь, куда мы направимся, случайно не Гостанг Гомпа называется?

– Именно так.

– Возможно, манускрипты, которые обнаружил Натович, находятся не здесь, а там?

– Возможно, – как-то неопределенно ответил Мастер и пошагал к выходу. За ним потянулись наши паломники.

Я понял, что время посещения данного монастыря закончено.

Глава 8

И снова дорога в горах с осыпями валунов на склонах. Колонна автомобилей, проехав вверх по ущелью, остановилась у подножья горы, на склоне которой располагался монастырь. Дальше шли пешком. Остановились у главных ворот. Мастер сказал, что через час все должны быть на пяточке возле машин и распустил группу. Паломники стали разбредаться по расходящимся в разных направлениях улочкам. Я обошел главный корпус. Справа, увидел узкую улочку, каскадами забетонированных площадок уходящую вверх, и примыкающие к ней двух-трех этажные белокаменные постройки с кельями. Что-то манило выше в горы, туда, где на выступах крутого распадка располагались самые отдаленные жилища монахов. Какая-то особая аура стояла над этим ущельем. Я даже забыл, что хотел расспросить местную братию о манускриптах. Хотя мне вряд ли бы что-то конкретное ответили: большинство монахов не склонны к общению, да и английский мало кто знает.

Обогнав двух девушек, успевших уйти вперед меня, и фотографирующихся на фоне горного провала, я пошел дальше. За последней по улице кельей из горы монолитом выступали огромные базальтовые глыбы. Взобравшись на них и осторожно ступая по едва заметной тропе, я стал пробираться почти над самыми крышами построек вправо.

«А в чем же суть моего похода? – неожиданно задал я сам себе вопрос и сам же себе ответил. – Ни в чем. Просто гуляю. Внешнее все проходящее. Все есть меняющиеся формы, даже эти, казалось бы, незыблемые горы. И этот монастырь. Когда-то горы были, как новенькие, но с течением времени они и монастырь сильно разрушились. Многие кельи заброшены, а эти крайние вообще без крыши – в неприглядном состоянии. И только истина постоянна. Она не зависит ни от времени, ни от форм, сокрыта внутри человеческого сознания и познается, когда осознаешь единство себя и Космоса, себя и Дао. Значит нужно садиться и медитировать. Но вначале нужно поесть».

В горах и особенно после похода по монастырям, сильно пробуждается аппетит. Я достал приготовленные заранее бутерброды с сыром, помидоры, разместился на плоском выступе скалы и принялся перекусывать. Сразу вспомнилась Юля, ее умение красиво накрыть походный стол. Впрочем, мне не плохо и одному. Внутри меня есть и мужчина, и женщина. ... Нужно стремиться к мастерству даосов, умевших сублимировать внутри себя собственную женскую и мужскую энергии.

Подо мной был монастырь и открывался живописный вид на стиснутую горами долину, на зеленом пяточке которой в самом низу разместилось великое множество белокаменных ступ. Привычка размышлять во время еды во мне, казалась, неискоренимой. А ведь йогины стремятся кушать в медитативном состоянии, тогда пища усваивается в теле лучшим образом. Однако я никогда не был сторонником совершенного ухода от ума. Я больше геденист и получаю от жизни удовольствия. Вот и сейчас мне на ум пришла новая формула инь-ян взаимодействий. «Когда женщина готовит, – думал я, – она вкладывает в пищу свою инь-энергию, поэтому мужчине, чье свойство ян-энергии, ее еда кажется намного вкуснее, чем, та, что приготовил он сам. В то же время самыми успешными поварами считаются мужчины – это потому что оценку их таланту дает женщина. Пронизанная мужскими вибрациями пища, делает ее для женщины необыкновенно вкусной, к тому же у светских мужчин с желанием и вкусами женщины принято соглашаться. Отсюда и следует, что лучшие повара мужчины».

Однако мне сейчас эта простая еда кажется очень вкусной. Почему? Ведь я готовил ее сам. Потому что в горах, в монастырях, да и просто вдаль от людей пища пронизывается уже готовыми природными инь-ян вибрациями и преобразуется. Здесь минимальное воздей-

ствие сторонних влияний, в том числе поля негативных человеческих мыслей и придуманных человеком приборов.

Вспомнив о Юле, закралась мысль: «Может быть она специально не поехала на эту экскурсию, чтобы я о ней думал?» Ведь известно, что когда ты о ком-то начинаешь думать, тот человек конкретно подкрепляется твоей энергией. Нет, она не такая...

О магической подпитке энергиями было немало сказано в книгах К. Кастаньеды*. А у Юли явно были магические способности... Нет, Юля не может навредить, даже неосознанно... Обычные же люди часто создают друг другу проблемы, хитря, играя, заставляя другого думать о себе. Есть осознанные и неосознанные энергетические вампиры. Последние сами не понимают, что завели-задели человека, чтобы он стал добровольно качать им свою психическую энергию. Также бывает, когда человек осознанно мысленно прерывает связь с человеком. Ведь еще великий Пушкин писал: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Чистая магия! Кстати, известно, что Пушкину дядя передал магический дневник...

Отобедав, я спустился к келье, от которой остались одни только каменные стены и часть крыши. Оказалось, что внизу есть еще один полуразрушенный этаж – он был виден через квадратный проем в полу. Я сел на балку в стороне от навалов камней и штукатурки. Оставшаяся часть крыши закрывала слепящее солнце. Уйдя в пустоту, я постарался увидеть безмерность пространства во все стороны. Помогала визуализация Космоса с его бесчисленным количеством звезд и галактик. Все начинается с визуализации и намерения, и потом сознание у человека в какой-то момент само доходит до того, как происходят те или иные явления. У Кастаньеды написано, что пространство пронизывают бесконечное количество светящихся линий. Это вытянувшиеся коконы людей, добившихся магической реализации, что, наверное, можно назвать частью астрального Космоса. Но известно, что астральное человеческое тело имеет тесную связь с физическим миром... О многом я пока еще могу только догадываться или строить аналогии. Между тем есть незыблемые метафизические законы Вселенной – их я изучал в одной изотерической школе...

В данный момент нужно было освободиться от личности, чтобы получить для себя максимальную пользу от намоленного места, в котором монахи, возможно, столетиями занимались практиками постижения Дзогчен. Они то наверняка были свободны от большинства внешних связей...

«Согласно учению Дзогчен, сущность основы всего – пуста и изначально чиста; природа основы – ясность, которая спонтанно совершенна; неразделимое единение изначально чистой сущности и спонтанно совершенной природы являет собой свободный поток энергии или сострадания. Для индивидуального ума эта основа – естественное состояние. Она является одновременно и источником самсары для введенного в заблуждение ума (ma rigpa) и нирваны для ума, в котором знание (rigpa) пробуждено», – не помню с какого источника я это записал.

В безмыслии я просидел, наверное, с час. Разотождествление помогло мне освободиться от навязчивых дум о Юле. Сознание долгое время находилось за пределами тела, поэтому физически я ощутил себя необычайно легко. Я вышел из кельи, улыбнулся все еще яркому солнцу и легко запрыгал по камням вниз – по тем камням, по которым до этого пробирался с такой осторожностью.

Часть группы уже собралась на площадке перед монастырем, дожидаясь остальных. Мастер, от нечего делать, выбрал подходящий шест из толстой охапки бамбуковых палок (они предназначались для изготовления реставрационных лесов и стояли у стены), стал крутить его в руках, а потом вокруг тела, делая выпады в сторону воображаемого противника. Виртуозно это у него получалось! Я залюбовался. Мастер в совершенстве владел ушу, и когда-то я начинал учиться у него основам цигун. Позже я изучал и практиковал цигун

по книгам Сьюи Минтана, мастера Шаолинской школы, который учил работе с непривязанностью немного иначе, а именно Мастер не уделял место визуализации, в то время как в Шаолинской школе визуализации придавали большое значение. Но в любой школе цигун даже цели не ставятся. Просто нужно заниматься практикой, и когда-то ты получишь результат. Получая результат, занимаешься дальше. Поставленная же цель тебя привяжет к ней, и настоящей практики цигун не получится. Выполняя упражнения по руководству Сьюи Минтана, я научился очень четко визуализировать предметы. Можно было представлять тело в виде полой трубы и гонять по нему шар с помощью вытягивающихся до бесконечности рук – то вверх, то вниз. Также в шаолинской школе большое внимание уделяется работе с энергиями, ее нужно чувствовать, вращая шар инь-ян энергии, и добиваться ощущения энергии Космоса. Мастер же практиковал как бы стиль без ощущений – по крайней мере, в рамках сатсангов. Через растворение в пустоте он давал ученику возможность понять, что человек – это не то, что он о себе представляет.

Когда группа полностью собралась, мастер отложил шест и сделал объявление о следующем монастыре. Мы разбрелись по машинам и поехали.

Первое что бросилось в глаза, когда я входил в этот третий по счету монастырь, был монах в желтой холщевой рубашке без пуговиц, надетой поверх бордового монашеского платья. Он сидел на бордюрике нога на ногу сбоку от ступенек, ведущих от нижней площади ко второму ярусу домов. Он несколько отличался от увиденных мною до этого монахов. Я не мог понять чем. В нем был как бы виден легкий налет светскости, но и глубокая мудрость одновременно. А главное – эта притягивающая безмятежность, свойственная только великим мастерам. Мне хотелось спросить у этого человека хотя бы что-то, но я не знал что. И проходя мимо, я только сказал по-английски:

– Очень красивый монастырь!

И он, не меняя легкой улыбки своего лица, ответил:

– Да, красивый!

Я отправился дальше. Посетив все монастырские храмы и обзрев красивый вид на горную долину с крыши, спустился вниз. Монаха уже не было. Выйдя из ворот на выходящую по склону горы улочку с торговым рядом, стал бродить от одного прилавка к другому, рассматривая сувениры, но лицо монаха не выходило из головы. «Надо с ним хотя бы немного побеседовать о практиках», – подумал я и вернулся в монастырь.

Я обнаружил его на пустынной каменной площадке, построенной над глубоким обрывом. Монах тихо стоял перед невысоким бортиком и созерцал даль. Я остановился у бортика с другого края. Не поворачивая головы, монах неожиданно сказал все на том же хорошем английском:

– Вы хотели у меня что-то еще спросить?

– Да. Но я не знаю с чего начать. Меня интересуют практики.

– Работа с инь-ян энергиями?

– Вот это да! Откуда вы знаете, ведь в буддизме нет такого определения, как инь-ян энергия... Это понятия даосов!

– Прежде, чем попасть в этот монастырь, я изучал еще много чего, в том числе и даосские практики.

– Вы вообще-то не очень похожи на тибетца...

Монах повернул ко мне лицо.

– Отец у меня с Тибета, а мать из центральной Индии. Сам я закончил университет в Дели, потом Кембридж в Англии. Меня зовут Цзяньян.

– Алекс, – представился я. – Что означает ваше имя?

– Чудесный звук.

– А что заставило вас оставить цивилизованный мир и поселиться в монастыре?

– Вы задаете очень много вопросов монаху, – казалось, он задумался, потом ответил. – Любовь.

– У вас была несчастная любовь?

– Нет, хотя без кризисов нельзя дойти до смысловых глубин бытия, просто в какой-то момент пришло понимание... Для чего мы приходим в этот мир. Вы знаете для чего вы живете?

– Ну я должен выполнить какие-то задачи. Я писатель...

– Писатель? – удивился он. – Похвально!

– И я хочу, например, реализоваться в творчестве...

– Ну а еще какие у вас цели?

– А разве этого мало? Бог – Творец и мы должны стремиться к его подобию...

– Мало. Любая наша работа в этом мире ничто по сравнению с обретением чувства высшей любви. Я говорю о любви не к одному человеку и не к группе людей, а о любви высшего порядка, о любви ко всему существу во Вселенной. Это понимание приходит не сразу. Монашеская жизнь буддиста во многом способствует этому.

– А как же женщина, ведь вы такой умный, образованный, красивый лишили кого-то своей индивидуальной любви...

Он почти резко прервал меня:

– У каждого своя карма. Да, мы связаны с телом... Несмотря на то, что я пришел к единству понимания того, что Бог есть во всем и что все есть энергии, которые можно просто наблюдать и в принципе вообще можно ничего не делать, все же таки от кармы тела никуда не деться и человек должен выполнять свои жизненные задачи. Обычный человек делает свою социальную работу, заводит семью и продолжает свой род. У монаха же другие задачи. Монахи трудятся на благо общины и работают со своим внутренним миром, согласно буддийским учениям.

– Но вы же должны знать, что есть метафизические законы устройства мира. Есть высшее женское и мужское начало. Оно воплощено в людях. И также все во Вселенной устроено от низших миров к высшим. Есть Шива и его жена Шакти. Мужская энергия Бога соединяется с женской высшей энергией, и обе эти энергии создают наш проявленный мир. По крайней мере, я так понял учение индуизма. А в буддизме, помнится, верят в некоторых индуистских божествах... Созданный по подобию Бога, не может обойтись без взаимодействия с женской энергией.

– Для этого у нас существует тантра, говоря даосским языком – взаимодействие инь-ян энергий внутри самого человека.

– Вы не могли бы мне рассказать о тантре и каких-нибудь еще буддийских практиках подробнее?

– Мы можем поговорить об этом, но не сейчас. Вам пора идти, вас ждет группа, а мне пора готовиться к вечерней службе.

«Вот это да! – подумал я, спохватившись, и посмотрев на дисплей мобильного телефона. – Он знает точно время отъезда группы. Откуда? И он сказал это, не взглянув на часы!»

– Я обязательно к вам приеду. Можно? Скажите, как найти вас?

– Моя келья слева на третьей площадке, если идти по этой лестнице вверх.

Мы попрощались, поклонившись друг другу.

Выбежав на дорогу, я увидел Ольгу.

– Слушай, мы с тобой опоздали. Наши уже, наверное, уехали, – сказал я тяжело дыша.

Ольга улыбнулась:

– Не волнуйся, Мастер прибавил еще час на посещение ресторана, и ты можешь свободно гулять. А если хочешь, пойдём с нами обедать.

– Нет, спасибо, мне и без того надо кое-что переварить, только в голове, а не в желудке, – ответил я и побрел по улице.

Вскоре мне повстречались две девушки. От них я узнал, что в конце улицы есть два очень древних храма. Я направился туда.

Первый храм был построен в древне-индийском стиле из серого, местами почерневшего от времени камня. Округлый сильно вытянутый купол, невысокие стены. Внутри храма было довольно тесно. Большую часть помещения занимал высоченный, сияющий золотом Будда. Голова его скрывалась в потолочной нише, расписанной по краю религиозными картинами. Гигантские размеры Будды впечатляли. Я стал ощущать несравнимую ни с чем энергию. Она была мягкая и как-то сразу очищала от всех ненужных мыслей. Хотелось сидеть и сидеть, находясь в состоянии этого блаженства как можно дольше. Во всем теле чувствовались необыкновенные вибрации. Вибрировала каждая клеточка, как внутри, так и снаружи меня – видимо, мое существо попало в резонанс с полем храма. В слиянии Я с пустотой внимание пыталось изучить вибрирующее поле – оно, казалось, было живым и лучилось сознанием многих поколений верующих. Чистые помыслы людей материализовались в статуе Будды...

Выйдя из храма, я еще некоторое время сохранял это необычное ощущение, и постепенно оно растворилось. Во второй храм решил не идти – пора было возвращаться к месту сбора.

Пройдя еще немного по улице, я увидел группу молодых тибетцев – мужчины в дешевых спортивных брюках и выгоревших футболках, а женщины в пестрых платьях. Они сидели вокруг высоко наваленной горы персиков, перебирая их. Раздвоенное корявое дерево с зонтичной кроной укрывало людей от солнца. Плоды были, как с картины – оранжевых, желтых, синеватых оттенков; лица, бурые от загара и от улыбок, казались не менее красивыми. Над работающими, давая какие-то указания, возвышался монах в бордовой одежде. Картина, достойная кисти Ван Гога или Гогена. Понаблюдав за работой, я пошел дальше.

Мастер поджидал у ресторана тех, кто задержался на обеде. Этот ресторан был самый приличный из тех, что здесь находились. Его окружал высокий белокаменный забор, и в нем был дворик со столами под навесами. Наши парни и девушки выходили из арочных ворот, и Мастер отправлял всех к машинам, которые местное руководство заставило перегнать вниз. Я остановился возле Мастера, но он словно не замечал меня. Да я и сам сразу не понял, что со мной произошло. В уме наступила пауза, и тело приятно завибрировало.

– Вот это да, Мастер! – воскликнул я, – представляешь, вот остановился возле тебя и снова оказался почти в таком же пространстве, которое ощутил в древнем храме в конце этой улицы!

Он улыбнулся, сказал всего три слова:

– Я был там.

– Да? Я реально ощущаю те вибрации!

Глава 9

Юля не пришла в Медитейшн центр ни на другой день, ни на следующий. Ее мобильный с местной сим-картой не отвечал. Я стал волноваться, что с нею что-то случилось, но идти искать ее в переулочек по гостиницам было бы глупо. Поэтому я смиренно ждал, надеясь, что она скоро объявится.

Вечером Мастер объявил, что Монах, построивший ту большую красивую ступу, которая возвышается на горе за моим гестхаусом, приглашает всех нас на экскурсию. Встреча группы была назначена возле ступы.

Я пришел туда самостоятельно, поднявшись по бесконечным ступенькам каменной лестницы. Нас уже поджидал монах в желтых одеждах. Мастер представил его, как Гуоми Накамура, и попросил немного рассказать о замыслах и строительстве этого грандиозного сооружения. Из слов монаха, который говорил по-английски, стало понятно, что он родился и жил в Японии, что строительство такой большой ступы было мечтой всей его жизни. Потом он буквально сказал словами Манфреда Зегерса* «Ступы – это монументы, способствующие сохранению мира в мире. Это архитектурные сооружения, в совершенной форме выражающие чистую природу ума, Просветление. Они были построены тысячелетия назад в Азии и оказывают позитивное влияние на силовое поле всей вселенной».

Затем монах повел нас в храм, внешне больше напоминающий обычную современную постройку белого цвета с большими окнами. Он располагался на этой же горе, но уступом ниже. Внутри было просторное помещение с большими окнами и белыми колоннами. В центре зала восседал на широком деревянном помосте золоченый Будда.

После общей медитации Мастер по просьбе группы провел совместный сатсанг с монахом. Было много вопросов и ответов, но больше всего мне запомнилось, что в ответ на вопрос: «какова ваша конечная цель?» монах ответил: «обретение нирваны». Что он имел в виду, я тогда не совсем понял. Кажется, сам Будда говорил, что весь зримый мир есть нирвана. Но также известно, что нирвана достигается, когда энергия кундалини* поднимается по центральному каналу, и тогда исчезает я, видящий и видимое, все становится осознанным единым целым. Мир познается в золотом свечении все объединяющих энергий. Чего он еще не постиг, этот монах, после стольких лет жизни в горах?

По окончании сатсанга Мастер распустил группу, и люди разрозненно потянулись в город. Я тоже направился к лестнице, которую стал называть лестницей Бесконечности, но тут Ольга догнала меня.

– Послушай, – сказала она. – Там Наташа с подружкой напросились к Гуоми в келью. Они могут взять и нас с тобой.

– А удобно?

– Пойдем, пойдем, – настаивала Ольга.

– Хорошо, пойдем.

Когда мы подошли к стоявшим на площадке девушкам, я спросил:

– Правда можно посмотреть, как живет монах?

– Да, пойдемте, он нас приглашает!

Бодро шагая, появился Гуоми. Улыбнувшись нам, пригласил за собой кивком руки. Мы направлись к другому, меньшему по размерам старому деревянному храму. Сняв обувь перед высокими ступенькам, поднялись по ним и прошли по настилу мимо тихого зала к келье.

– Вот здесь я живу, – сказал Гуоми, сядя на кровать, стоящую у дальней стены. – Я угощу вас хорошим чаем, Наташа, помоги мне.

Мы скромно разместились при входе на устланном подушками подиуме. Пока готовился чай, я продолжал рассматривать комнату. Она была небольшая, но необычайно красиво убрана. Высокая деревянная спинка монашеской кровати и стоящий у смежной стены буфет были восхитительно расписаны в буддийском стиле золотом и киноварью. В глаза бросалось многочисленное изображение цветов. Впечатляли скульптуры божеств за стеклянными дверками, изящные напольные вазы. Верхний периметр комнаты был красиво задрапирован тканями. На потолке и полу фрагментами располагались небольшие красивые ковры.

– Я вам поставлю хорошую музыку, – сказал монах и пошел к аппаратуре.

«А этот монах необычный человек, – подумал я и тут же себя осек. – А разве может какой-либо монах изначально быть обычным человеком?»

Мы пили ароматный чай, попав в пространство тишины и покоя. «Вот нирвана! Что мы еще ищем! – продолжал размышлять я. – Наверное, об этом состоянии и говорил Будда. В такие моменты ты не видишь различия между собой и другими, и не только другими, но и окружающими тебя предметами. И музыка льется как единое сознание...»

Ольга показала на две прислоненные к стене гитары.

– А это что? Вы играете?

Гуоми кивнул, с улыбкой отставил красивую чашку, взял в руки гитару. Пальцы забегали по всем семи струнам, извлекая звуки, трогающие не только душу, но, казалось, каждую клеточку тела. Он играл мастерски. Когда монах закончил, я спросил, едва сдерживая переполнявшие меня чувства:

– Кто это написал?

– Я, – спокойно ответил Гуомио.

– Но это же шедевр!

– Если вам интересно, можете зайти на сайт, я напишу название, там выложены ролики с моей музыкой.

Потом он играл еще и еще, отзываясь на наши просьбы, и не только свои произведения, но и музыку классиков.

Впечатление от музыки было такое, что, уходя, я даже забыл свою шапку. Вспомнил о ней только, когда уже спустился с горы вниз. Возвращаться не было сил.

На другой день снова подумал о шапке. Изготовлена она была в среднеазиатском стиле, что-то вроде тибетейки. Надо бы было ее забрать, ведь купил я ее в священном Шринагаре. Поход к Гуоми решил совместить с занятиями цигун-практиками в движении и потому пошел не по Бесконечной лестнице, а в обход горы по асфальтовой дороге, делая на ходу упражнения руками, как вдруг неожиданно увидел впереди себя знакомую фигуру. Этот человек тоже направлялся вверх. Почувствовав мой взгляд, он обернулся.

– О, привет, Евгений, куда идешь?

– Решил прогуляться на ступу.

С этим парнем меня пару дней назад познакомил Сергей психолог, когда мы ужинали в одном из выходящих на главную улицу ресторанчиков. Евгений тогда подсел к нам за стол, и я узнал, что он учится в городе Варанаси, в государственном университете. Изучает санскрит, а еще в свободное от основной учебы время учится играть на древних индийских инструментах. В тот раз он был необычно, по-байкерски одет и носил на руке мотоциклетный шлем. Оказалось, что мотоцикл совсем не из проката, а куплен за сто долларов в Варанаси, и Евгений приехал оттуда аж на Малый Тибет.

– Возьмешь в попутчики?

– Пойдем!

Когда мы подошли к нижнему храму, я сказал, что мне нужно к монаху.

– Ты к Гуомио что ли?

– Да, а ты откуда его знаешь?

– А кто ж его здесь не знает! Мы пару дней назад с ним на гитарах репетировали.

– Правда! – я с восторгом посмотрел на Женю. – Ты еще умеешь и на гитаре?!

– С нее и начинал.

– Пойдем тогда вместе заглянем к нему.

– А пойдем!

Гуомио был у себя. Увидев меня, он тут же протянул шапку, после чего улыбнулся Жене и предложил ему совместно сыграть что-нибудь.

Я сидел и слушал нежные переливы звуков, пребывая в блаженстве и чувствуя себя на седьмом небе. Тут я вспомнил, что некоторые мастера, не умея объяснить, что такое Бог, говорили ученикам: «Просто слушайте музыку. Она и есть Бог». Кстати, подумав тогда об этой поговорке, я стал размышлять, что людям мало что известно о других мирах, а ведь по поверьям всех восточных религий они существуют. У даосов считается, что есть девять верхних, стоящих над человеческим планом миров и двадцать семь нижних, включая животный и растительный мир. Самые нижние обиталища называются адами. Подумалось: «Может потому и говорят на седьмом небе от счастья, что обычному человеку максимально возможно заслужить лишь постижение седьмого мира, а восьмой и девятый миры предусмотрены только для реализованных мастеров? Во всяком случае, то, что люди говорят неосознанно, не случайно вошло в словесный оборот. Оно откуда-то взято»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.